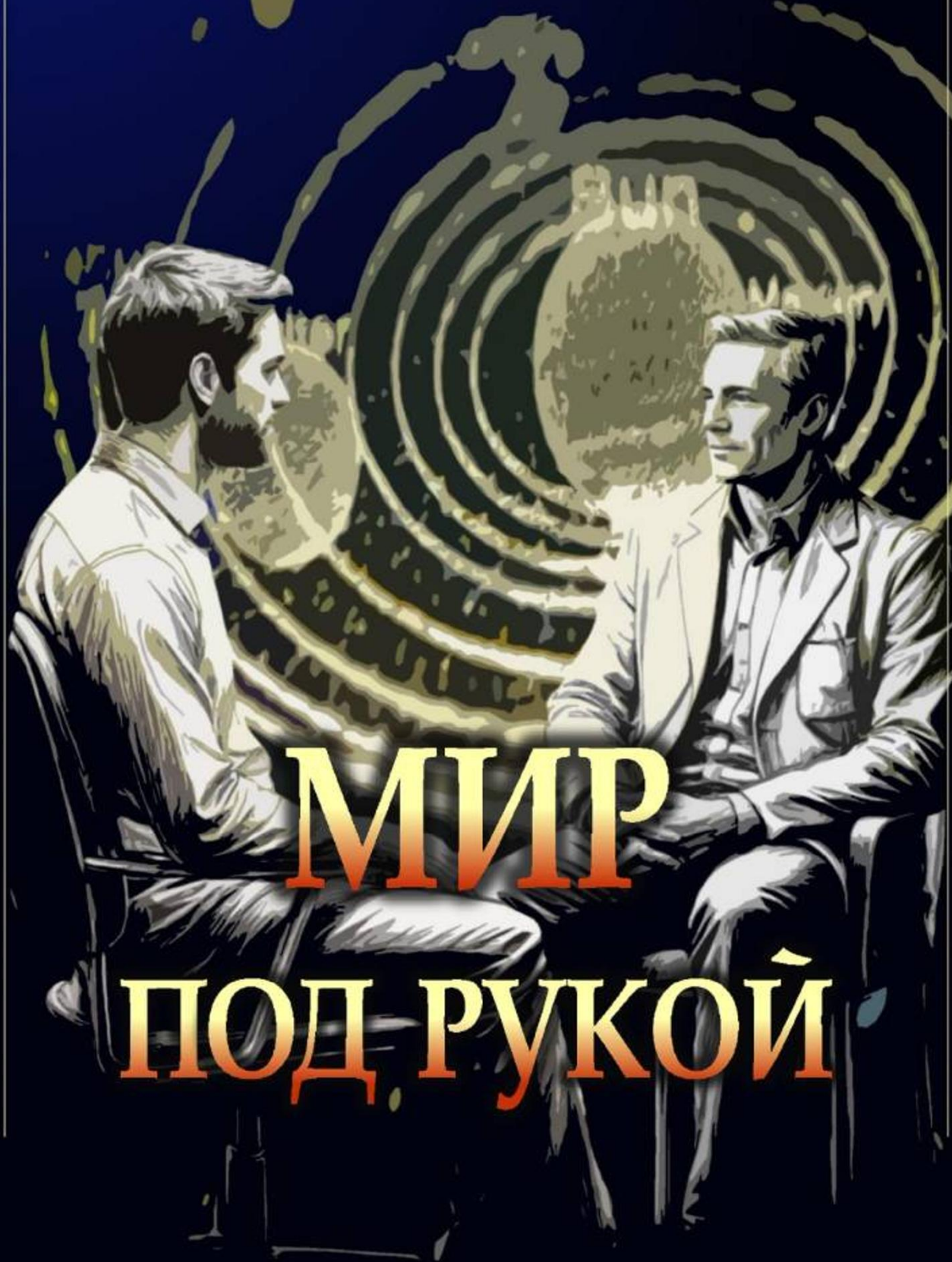

Анастасия Бахарева

- НАЛОЖЕНИЕ -

**МИР
ПОД РУКОЙ**

Анастасия Бахарева

Мир под рукой

«Автор»

2026

Бахарева А.

Мир под рукой / А. Бахарева — «Автор», 2026

– В городе ходят слухи: появился какой-то целитель. То ли врач, то ли нет. Обещает лечение почти от всего.– То есть? Шарлатан? Сектант?– Не понятно. Но ты же ничего не теряешь. Ты уже не выйдешь на поле. Да, теперь сороковой этаж — это вершина. Дышать смогом и гарью, оставить родных за стенами и забыть о мечте стать звездой мирового футбола. Но верить подпольным целителям — это путь в никуда. Если бы не решающий матч, Кайга выбросил бы рекламку, забыв о ней, как об очередной чуши, предлагаемой по дешёвке. «Раймон Шун. Целитель.» Откуда в одном из оставшихся городов планеты могут возникнуть силы, неподвластные человеку? Кто лечит самого целителя? И от чего?..

© Бахарева А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Новости и слухи	5
Интерлюдия 1	12
Глава 2. Цена новых штанов	18
Интерлюдия 2	26
Глава 3. Встречайте героя	32
Интерлюдия 3	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Мир под рукой

Глава 1. Новости и слухи

Пролог

Планета Стэнфорд. Основная цивилизация — люди. Население около полутора миллиардов. После пяти мировых войн и последующих катастроф планета заселена в ограниченном пространстве оставшихся относительно целыми городов, защищённых от недружелюбной внешней среды куполами. Для поддержания порядка создано и задействовано общемировое правительство. Страны упряднены, расы уравнены в правах. Штаты и города различаются по степени уровня жизни. Переселение возможно с использованием всех доступных ресурсов, ограниченных потенциалом отдельного индивидуума. Правительство заявляет, что с успехом борется за благополучие каждого на планете Стэнфорд.

Глава 1. Новости и слухи

Кайгу немилосердно трясло. Машина дребезжала, перекрывая даже истошный тенор, захлёбывающийся самолюбованием на одном из оставшихся лишь для стариков радиоканале. Отчасти он этому порадовался: половину слов наверняка не помнил даже дряхлый таксист.

Старый, местами поржавевший седан вихлял по узким улицам: широкие шоссе и парящие мосты кончились недалеко от центра города, аэробусы тут не ходили, а воздушное такси стоило, как половина его месячной зарплаты.

Он скрипнул зубами: то ли от боли под словно пульсирующим гипсом, то ли от воспоминаний.

– У вас всё плохо, – лупая глазами за толстенными стёклами очков, бескомпромиссно оповестил доктор. – Перелом бедра и перелом голени в двух местах. Если и срастётся, то хромота не позволит вам бегать. А комиссия не допустит к полю дальше ограды.

– Игра через две недели, – глухо сказал Кайга, мрачно прикрыв глаза. – Плевать на комиссию, дайте капсулы. Выиграю — и выплата за кубок покроет мои счета лет до сорока.

– Не выиграете.

Доктор вернул ему флешку с рентгеном, почти не глядя.

– Даже под обезболивающим ваша нога не будет работать. Можно было бы заменить её на протез, но потребуются время и много денег на хорошую версию. А их пока у вас нет?

– Нет! – ответил он сразу на всё. – Никакого протеза мне не надо. Она, чёрт бы вас побрал, просто болит! Дайте капсулы — Мартон выпустит меня на поле.

– Выпустит, – моргнул доктор прямо как та собачка с мозгом с орех. – А меня потом выпустят из профессии. Первый игрок «Крылатых Моггс» под обезболивающим проигрывает последнюю игру сезона, подводит команду и гробит своё здоровье навсегда? Нет уж, мистер Тоусен, в этот раз справляйтесь без меня.

Кайга вскипел от злости, но за дверью мельтешили люди, чьи вопросы долетали даже сквозь пластик. Больные, ждущие очереди, любопытные, узнавшие его по фиолетовым дредам, и товарищи по команде, чья помощь была ему не необходима, но и рвать с ними связи он пока не планировал.

– Перенаправьте! – приказал он, суя под нос врачу электронную табличку.

– Ни один доктор не допустит вас до игры, мистер Тоусен. Отчего-то ведь вы пришли ко мне? В клинику? Ваш ментор — доктор Льюис вам уже отказал до меня, правильно?

– Значит перенаправьте в другую клинику!

Кайга вскинулся, хоть и знал, что криками тут вряд ли чего-то добьётся. Шерифы, армейцы и бесплатные врачи — самые отбитые в любом уголке шарика.

– Чёрт тебя, Тоширо! Ты же знаешь: я не сдамся!

Он всё-таки не удержался и вскочил. Карточка пошла рябью и писком от слишком сильного нажатия, нога от прошившей боли предательски подогнулась. Доктор поймал его под локоть, удерживая и помогая сесть.

– Кайга, не глупи, – вздохнул он. – Знаю, что эта игра важна для тебя. И что это последний шанс и «Крылатых» тоже. Но с этой травмой ничего не сделать.

Злобно смирившись, Кайга сунул карточку в карман и вновь застучал костылями по голому бетону. Звук отражался в костях.

За дверью, куда уже лезла настойчивая очередь, его встретили сокомандники. Их непривычно сосредоточенные лица говорили сами за себя.

– Выписал? – как всегда на что-то надеясь, спросил Антонио.

Кайга мотнул головой и поморщился.

– И что теперь? – Сэм хмуро избегал смотреть на него ниже пояса.

– Потопали отсюда.

Вместе они покинули клинику, обходя очереди, толпы и стойбища людей, заученно штурмующих заблокированные на время приёмов двери. Выйдя из здания, Кайга медленно вдохнул пропылённый воздух: выбраться из клиники, пропахшей медикаментами, хлоркой, болезнями и потом чуть не живущих в ней в ожидании лечения людей, мечталось давно.

– Вы куда? К Мартону? – спросил он, когда запищал спуфон Сэма, напоминая о вызванном такси.

– Да. Поедешь с нами?

– Нет. Он с меня шкуру спустит, если сейчас увидит.

– Но он же сам тебя сюда отправил, – поник Антонио.

– Брось, не может же Тоширо брать на себя все наши косяки, – попенял Сэм.

– Так точно, капитан.

Кайга прицелился, шутливо хлопнув его чуть пониже локтя, и тут же упёрся костылём, удерживая потерянное равновесие. Вроде бы, ребята его покачивания не заметили.

– Давай хоть подбросим.

Кайга задумчиво кивнул и отправился следом за игроками «Крылатых Моггс». Может быть, это последний раз, когда он делил с ними поездку.

Они высадили его возле дома: высотное здание в шестьдесят этажей упиралось в облака. Окна его квартиры наверняка вновь занавесились туманом — осенняя влажность укутывала города, как обычно. Попрощавшись и доковыляв до лифта, он продолжал думать: скоро контракт расторгнут, квоты и деньги закончатся, и тогда даже сороковой этаж ему будет не по карману.

Квартира, как и ожидалось, встретила тенью. Бледный свет видика разгорелся, стоило махнуть рукой, и Кайга устроился в кресле, тяжело выдохнув. Ладони выпустили гладкие рукояти костылей и запутались в привычной тяжести дредов. Он скрючился не то от боли, не то от злости.

– ... к спортивным новостям! – раздался голос диктора из мелькающей панели. – Ведущий игрок «Крылатых Моггс» Тоусен Кайга покалечился в скандале с группой антивелсеров. Нападение на затеявших вечеринку в ночное время спортсменов завершилось безобразной дракой и, к несчастью, серьёзной травмой для универсала «Моггс». Также пострадали форварды Гордон и Фушико и полузащитник Серёгин, но их травмы, как сообщает тренер, не станут препятствием для игры. О потерях антивелсеров пока в точности не известно, но им наверняка не повезло: рассерженные фанаты, вмешавшись, отгоняли их к самой стене до утреннего света, пока уже их не разогнали наши доблестные шерифы. В итоге завершающая игра сезона

может потерять свою главную звезду: полузащитника Тоусена, а «Крылатые Моггс» — последний шанс на победу в кубке года. Что практически обнулит их результаты в сезоне и вновь спустит в рейтинге до уровня команд третьего дивизиона. О составе команд, и успеет ли мистер Тоусен поправиться к игре, узнаем позже. Оставайтесь с нами, будем держать вас в курсе!

Улыбающееся лицо диктора Эниса отпечаталось у Кайги в памяти даже без взгляда на экран. Он вновь поморщился и махнул рукой, оставаясь в тишине и полутьме. Тучи наполнили город, и ему не нужно было слушать сводку погоды, чтобы узнать, что следующие дни станут весьма мрачными.

Он долго сидел почти без движения, смотря на искаленную ногу, как на предателя. Будто от этого гипс мог врасти внутрь мышц и исчезнуть. Но тот не исчезал, а будущее, ещё недавно мелькавшее радужными перспективами, сегодня будто тоже покрылось серой коркой.

Из команды его попрут. Пусть заменить его некем, но и держать, по сути, калеку никто не станет. Повезёт, если тренер Мартон сжалится и подыщет ему сытное место, но ни славы, ни больших денег, ни уверенности, толкавшей его вперёд, больше не будет.

Когда в животе заурчало уж слишком настойчиво, Кайга нашарил руками отброшенные костыли. Небо за панорамным окном потемнело, и вид, обычно вселявший в него здоровую горячность, теперь лишь навевал уныние.

Громко стуча палками и иногда оскальзываясь, он доковылял до кухни, где ждали остатки недавней доставки. Печь пиликнула, и он вгрызся в тёмную корку бургера, словно назло всем, зная, что теперь следить за питанием необязательно.

В дверь позвонили. Одинокая трель Кайгу не заинтересовала, и он продолжил есть, дождавшись следующей. И следующей. И следующей.

Только проглотив последний кусок, облизнув с губ жир настоящего бекона и рычаще вздохнув из-за понимания, что неожиданный гость не собирается уходить, он вновь побрёл по коридору. Дверь будто насмеялась вслед за звонком, приближаясь слишком медленно.

– А ты не торопиться, – Эри смерила его недовольным взглядом, деловито прокраившись мимо.

– Я интервью не назначал, – буркнул Кайга.

Его бывшая, теперь оставшаяся лишь полезной знакомой, как у себя дома сбросила лёгкую куртку мимо шкафа и прошла в комнату.

– Видела новости? – спросил он, гадая, зачем она пришла.

Они не встречались уже давно: полгода или больше. Следить друг за другом перестали и того раньше. Свидания, никогда и не насыщаемые романтикой даже на половину, истожили себя, как кошелёк переселенца без родни.

– Брось, – девушка хмыкнула. – У меня свои каналы. У Эниса только глаза красивые, а я могу и текст написать, и инфу добыть.

– Ага, только зачитать её с главного канала тебя не пускают.

Кайга фыркнул и вновь угнездился в кресле, прислонив костыли так, чтобы не споткнуться, вставая. Надеялся, что гостя уйдёт быстро и не придётся при ней много расхаживать, неуклюже цепляясь за углы и подлокотники.

– А тебя пустят, Кайга?

Пауза перед именем разбередила что-то внутри.

Они так и встретились — выходцы из одного мира, выцарапавшие себе переселение в другой. У него хотя бы была семья, был спорт и способности, открывавшие не только двери, но и посадочные сектора в куполах. У Эри была только она и цепкие пальчики. Ими она ловила любого, кто мог хоть как-то улучшить ей жизнь. И она знала, что он искал то же. Сороковой этаж должен был стать лишь началом.

Он покачал головой.

– Три перелома. Кости раздроблены, нормально срастить не получится. Грозил протезом, я отказался.

– То есть... ты не будешь играть вообще?

Её непривычно тихий голос заставил и его браваду утихнуть. Смысла притворяться больше не было. Его дверь закрылась. Отвечать было нечего.

Эри откашлялась. Кайга пристально взгляделся и понял, что та пришла, кажется, не из праздного любопытства.

– Эй, это вряд ли станет сенсацией, – махнул он подбородком в сторону матового экрана. – Там уже тебя опередили.

– Да знаю я, – девушка, когда-то прожужжавшая ему все уши о своей намечающейся карьере журналистки, закатила глаза. – Об этом уже кто только не сообщал. Я два дня назад услышала.

– И пришла только сейчас?

Он немного удивился, скорее поймав себя на негодовании, чем от её признания.

– Брось, – она усмехнулась. – Неужели решил, что я побегу спасать тебя от твоей же глупости?

Он усмехнулся следом. Уж кто-кто, а Эри не из тех, кто будет трястись над ним, когда он вновь решит проскакать из душа без костылей.

– Я кое-что нашла.

Серьёзное, красивое лицо поднялось из тени. Он поглядел на журналистку, и поняв, что разговор будет долгим, включил свет. К счастью, вставать для этого было не нужно.

– В городе ходят слухи: появился какой-то целитель. То ли врач, то ли нет — принимает прямо на дому. Обещает лечение почти от всего.

– То есть? Шарлатан? Сектант?

– Не понятно.

Эри пожала плечами и вытянула из сумочки смятую рекламку. Кайга взгляделся в истёртый будто многими руками лист.

Ищут: чернорабочих, няню, таксистов.

Готовы наняться: сантехник, уборщики, художник.

Продают: остатки партии плитки, матрас, щенков.

– В самом низу, – уточнила Эри.

«Раймон Шун. Целитель.

Вылечу за один сеанс любые болезни, травмы, недомогания, кроме астмы.

Вход платный — 5 000 знаков.

НЕ по фотографиям. НЕ по описанию. НЕ порча. НЕ наговор.

Не выдаю рецепты — лечение одним днём под прямым надзором».

Кайга дочитал и в растерянности поднял глаза.

– Целитель? Ты серьёзно? Предлагаешь мне пойти к целителю?

– Говорю же, непонятно.

Эри нахмурилась, деловито, что не вязалось с чуть растерянным голосом, забирая рекламку.

– Пара новеньких, поселившихся в восточном районе, слышали странные разговоры. Вроде как, неподалёку от них разбился байкер. Как всегда, сиганул между мостами и... промахнулся. Улицу оцепили, мост перекрыли, а потом вдруг шерифы вернулись и ничего не нашли. Кроме крови и разбитого байка.

– Хм? Кто-то забрал тело? Украшения, одежда, органы. Или, может, родственники?

– Тела не было, – Эри подняла вверх пальчик, – но байкера потом кто-то встречал.

– Живого? – усомнился Кайга.

– И здорового!

С полминуты он удивлённо разглядывал взбудораженное лицо. Глаза девушки будто замерцали, так она принялась ёрзать от нетерпения.

– Да брось, – он рассмеялся. – Ну не расшибся этот байкер до конца. Скрылся от шерифов, чтобы спрятать фальшивые права или не платить за разбитое ограждение.

– Принято, – кивнула она, совсем даже не задумавшись и ничуть не огорчившись. – Помнишь, три месяца назад вспышку гидролишая на границе? Как раз на восточной?

– Ну, говорили что-то.

– Обнаружили среди бедняков. Три дома, этажи с первого по пятый. Бум среди доставщиков и окномойщиков. Аэробусы опять же, таксисты. Все с восточного не вылезали — паре-тройке удалось очень прилично заработать. Район оцепили, химзащита и растворы прямо в душ. И вдруг всё закончилось, как и не было ничего, за две недели. А инфекционный период гидролишая – три месяца.

– Новые лекарства? – предположил Кайга.

– Для бедняков?

– Там же под тридцать этажей сверху.

Но здесь его версия слегка проседала. С инфекциями города сражаться не любили: дорого, энергозатратно и тяжело успокаивать людей, даже когда всё заканчивалось. А главное — долго.

– Ты давно в клиниках был? – продолжила Эри, не дав ему задуматься.

– Сегодня.

– Свои отправили?

– Льюис, – кратко ответил Кайга, вспомнив, что и от врачей он ничего не добился.

– Понятно. А мне, чтобы попасть к доктору, надо отстоять очередь, либо записаться. По записи минимум месяц ожидания. В очередях — быстрее подхватить ещё что-то. Те, кто в ней, иногда предпочитают не возвращаться домой, чтобы не терять место.

– Ничего нового, и?

– Клиника восьмого района. Там есть запись. На послезавтра.

– Ну ты же знаешь: кто-то не дождался. Выздоровел или наоборот.

– Я была там, Кайга. Очереди есть, врачи закатывают глаза и запирают двери. Старики общаются, квотники трясут карточками с зелёным плюсом, болезные болеют. А вот «пустых» почти нет.

Кайга откинулся на спинку, скрестив руки.

«Пустые» — отражение всего, что пугает переселенцев. То, отчего многие отказываются покидать свои дома, находящиеся среди загрязнений, голода и могильников.

Те, у кого хватило денег переехать. Сменить один купол на другой: попросторнее и подороже. Но тут у них кончилась удача: деньги ушли, работа не появилась, а родственники, друзья и наниматели внезапно сдулись. В лучшем случае. И когда от голода ты падаешь в пыль, когда дышать под открытым небом не даёт очередная буря, пробравшаяся за три слоя защиты, когда твой единственный дом — это целлофан над крышкой, люди теряют надежду и тянутся в клиники.

Где их либо лечат от чего-нибудь, выписывая в счёт будущего заработка огромные кредиты и отправляя в санатории при шахтах. Либо не замечают, и больница полнится запахами немых тел. Либо зовут за собой и взамен органов, которые те не в силах поддерживать, наполняют чем-то другим: металлом, пластиком и озоном. Пустота перестала быть уделом потерявших вдохновение поэтов. В тридцать втором веке это участь бомжей.

Когда кто-то «опустел», выйти из больницы ему уже нельзя — незачем и почти бесполезно. Без докторов он долго не проживёт.

– «Вылечу любые болезни», так? – спросил Кайга. – И ты считаешь, что отсутствие сердца или желудка тоже?

Он скептически смотрел на Эри. Не могла же та и впрямь думать, что такое возможно? Верить шарлатанам и эзотерикам, это одно, а бред сумасшедшего...

– Тебя, часом, никакие видения не посещают?

– Да ну тебя, Тоусен! – Эри вспыхнула. – Конечно, я так не думаю! Но что-то, мне кажется, тут можно найти. Я проверила: доктора Раймона Шуна не существует. У нас нет и однофамильцев. В Мато отличился студент аэрокосмического института — факультет аэроинженерии и механики. В Биске Такой человек умер десять лет назад. В Каррах жив: трое детей, компания по очистке стёкол. Больше это имя нигде не значится. Доктору взяться неоткуда, но почему-то люди к нему идут.

– И не уходят? – подловил Кайга. – Не лечит он их, выходит?

– Не знаю. Эту брошюру я раздобыла с трудом. Обещала вернуть.

– Ну так и расспроси там, где добыла, – повторив за девушкой, Кайга пожал плечами.

– А толку-то, – фыркнула Эри. – Мне нужен материал. Нужны доказательства.

Её взгляд стал прямым. Никогда не опускавшая глаз, теперь она будто пригвоздила его к месту. Захоти он, даже здоровым бы просто так не ушёл. А теперь он здоровым и не был.

Кайга задумчиво сжал ладонь на пластике костыля. Тот остыл от долго стояния без дела, и рука скользила, словно предчувствуя его будущее: холодное, одинокое, мешающееся.

– Ты же ничего не теряешь, Кайга, – Эри подтолкнула его мысли. – Ты уже не выйдешь на поле, не выиграешь, и больше не будешь не то, что играть — даже попытаться не сможешь.

– И что мне у твоего целителя сделать? Допрыгаю, а потом?

– Просто сходи к нему! Покажешь свой гипс. Посмотришь, есть ли у него кто на приёме.

Чем он с ними занимается.

– Почему сама не сходишь? Боишься? Вдруг он в самом деле сектант и форматнёт мне мозги какой-нибудь наркотой?

– Я пыталась, – Эри, явно нехотя, призналась. – Сказала сдуру, что пишу статью о новых методах лечения. Меня к нему не пустили. Затем и в клинику ходила — пыталась найти у себя какой-нибудь диагноз.

Кайга хмыкнул:

– Нашла?

– Ага, как же. Здорова, как с тысячного.

Он хмыкнул, про себя подивившись иронии. Он тоже не жаловался на здоровье в отличие от многих и многих, но лишь одна неосторожная стычка, и его жизнь перечёркнута, как у последнего дефектника.

– Ладно, схожу к твоему целителю, – со вздохом согласился он. – Пойдёшь со мной?

– Нет, – Эри недовольно мотнула головой. – Не хочу слишком там примелькаться. И вдруг выгонят и тебя. Просто запоминай всё, что он будет делать. Осмотрись. Может, узнаешь кого, если будут ещё больные.

И вот Кайга трясся в дешёвом такси в спальном районе почти на окраине, выглядывая нужный адрес. Эри с ним не поехала. Больше никто не знал, где он и что собирается натворить.

Лёгкую нервность он глушил сознательным презрением к окружающему и намеренными резкими движениями. Нога напоминала о себе. Избавиться от гипса раньше двух месяцев он не надеялся. И иногда начинал ругать и себя, и Эри за тухлую каплю надежды, некстати разлившуюся перед ним.

Его последний шанс исчез: подмазанный государственный врач, закрывавший глаза на косяки игроков «Крылатых Моггс», и то выпускавший их на поле раньше положенного, то снабжавший лекарствами, которые частные спортивные врачи доставать не имели права, в этот раз его просьбы проигнорировал.

А верить подпольным целителям — это путь в никуда. Если бы не Эри, он бы выбросил рекламку, забыв о ней, как об очередной дури, предлагаемой по дешёвке.

– Приехали, – сказал таксист, кивнув на жилой дом, упиравшийся крышей в тучи.

Половина окон темнела даже в конце дня. Казалось, будто там никто и не живёт. Спальные районы: все либо на заработках, либо уже медленно умирают.

Он расплатился и с трудом вылез, чуть не прищемив костыль дверью. Такси умчалось, разгоняя вязкую тишину придушенным кашлем мотора.

Кайга огляделся и нашёл взглядом дверь подъезда. Как ни странно, она была настежь раскрыта. Подумав, что гостеприимством нынче мало кто гордится, он вошёл внутрь. Коридор терялся в темноте, но нужная квартира нашлась быстро.

«Раймон Шун. Целитель. Приём: 9.00–21.00»: значилось на едва светящейся табличке.

Кайга нажал на звонок, и достаточно быстро дверь приоткрылась навстречу. Внимательные тёмные глаза на высоте подмышки изучили его с ног до головы.

Интерлюдия 1

– Ну что, в реале больше, наверное, не увидимся?

Приземистое здание аэропорта скалилось серебристой оградой. Вокруг бушевал ветер, чуть не сбивая людей с ног и покачивая мотоцикл. Тёмные глаза байкера блестели, как его шлем, и будто пронизывали Раймона насквозь.

– Похоже, – усмехнулся он, опустив шарф и стараясь глубоко не вдыхать.

– Это хорошая клиника. Лучшая, на какую нам хватало.

– Да знаю я. Мне сойдёт.

– Не пропадай там, – Руи развёл руками. Видимо, не знал, где закончится это «там». – Спифоны пациентам запрещены, пока не выпустят, но как только выйдешь в город — сразу свяжись.

– Свяжусь.

Раймон ухмыльнулся уголком губ. Он и не собирался расставаться надолго, зная, что, скорее всего, друг будет его единственной возможностью не зажить припеваючи где-нибудь под мостом.

Время прощания вышло. Сирена резанула по площади, вместе с новым порывом ветра. Он швырнул их друг к другу. Раймон ответил на стремительное объятие Руи, всё-таки пошатнувшись, едва сдерживая рвотный позыв. Не желая хотя бы сейчас показывать, насколько ему фигово, сжал затянутый в кожу куртки локоть байкера.

– До связи, – улыбнулся он напоследок.

Руи остался, провожая и здесь, наверняка вглядываясь в каждый его вынужденно неторопливый шаг. Но ненадолго: буря вокруг бушевала, поднимая пыльные барханы, а двери аэропорта скоро закрылись.

Раймон, будто спелёнатый белой формой, лежал на кровати, свесив голову. Его привычно мутило, хотя тошнота и закончилась, как, должно быть, и содержимое его желудка.

От специального короба поблизости, по идее не пропускающего запахи, уже немного несло. Он иногда принимался, пытаясь понять, мерещится ли ему или запах исходит не от окружающей стерильности, а от него самого. Но ежедневно выдаваемая форма белела чистотой, как и покрывало, и пол, и стены. Клиника, и впрямь, была крайне приличным местом. И он не соврал, сказав, что согласен на любую, когда на запрос о его лечении вместо медклиники откликнулась медицинская же психушка.

Чёртова астма лишь иногда пыталась убить. А вот странное, шедшее в комплекте с ней чувство кручения портило его единственную жизнь постоянно.

Матовые стены кое-где блестели — разбавляя их белизну искрами зеркальных глаз, на него поглядывали камеры наблюдения. В потолке мерно что-то тикало, чуть реже, чем нужно, но давало хоть какое-то ощущение времени. Ни спифона, ни планшета, ни даже видика ему не оставили. Как удалось вызнать им с Руи: стандартная палата не отличалась ни развлечениями, ни запретами.

Он прикрыл глаза, проваливаясь не в сон, но хотя бы в рябющую серость, чуть приглушавшую слишком яркий окружающий свет. Вновь погружаясь в неторопливые раздумья, ведь заняться ему уже месяц было абсолютно нечем.

– Мистер Раймон Шун, двадцать лет: астма, головокружение, тошнота? – полувопросительно сказал доктор, вчитываясь в карточку на планшете.

Раймон кивнул, не зная пока, что следует добавить.

– Хорошо. Я ваш лечащий врач — доктор Кристофер Блэквуд.

Они пожали руки, и Раймон вновь вернулся на тонконогое кресло перед широким столом. Бумаги, планшеты и экраны громоздились там ровными рядами. Оставалось надеяться, что этот врач знает, как пользоваться методичками даже для нестандартных случаев.

– Итак, вашу карту я изучил.

Вдумчивый взгляд тёмных глаз обследовал Раймона с головы до ног. Лёгкая вежливая улыбка сглаживала впечатление, но казалось, что его анкету за минуту проверили на достоверность. Доктор был немолод и наверняка опытен.

– Довольно типичная для Мато, да и для других штатов третьего мира картина: приобретённая персистирующая бронхиальная астма средней степени. Ограниченная физическая активность, постепенное ухудшение состояния. Хотя в детстве вы даже играли в футбол?

– Играл.

Пойманный врасплох стремительным вопросом Раймон чуть растерялся.

– Жаль, что вам пришлось бросить. Физические параметры неплохие, – врач продолжил скользить глазами по нему и поглядывать в карту. – Нарушений в анализах я не вижу, недостаток витаминов стандартный для вашего региона. Вы к нам насовсем? Или планируете вернуться домой?

– Видимо, не планирую, – Раймон покачал головой, не зная, стоит ли откровенничать. – У меня неоконченное образование, и найти малооплачиваемую работу мне проще сразу здесь, чем ещё накопить на обратный билет.

– Да, вам очень повезло, мистер Раймон: часть вашего лечения оплачена квотой. Что ж, это и к лучшему. Наша экология для вас предпочтительнее.

Врач одобрительно покивал.

– Какие препараты вы принимали? В карте есть данные о купировании приступов «Неофиллинормом*» с постепенным увеличением доз и о профилактике разными антилейкотриеновыми препаратами*. Чем вы пользуетесь сейчас?

– Всем подряд, – ровно ответил Раймон, даже не пытаясь вспоминать. – Пока остановился на «Неофиллинорме 5д*» и «Лентроле-плюс*».

– Хорошо, это отражено в карте. Вижу, что рецепты выписывались по расписанию, и надеюсь, вы этими препаратами не злоупотребляли?

– Вроде бы, нет, – Раймон ухмыльнулся.

Доктор снова обвёл его взглядом, словно прикидывая, имел ли новый пациент из не особо платёжеспособных доступ к чёрному рынку.

– Насколько я понял из вашего обращения, вы подавали запрос на лечение не самой ПБА, а её побочных проявлений? Головокружение, потеря ориентации в пространстве и тошнота, доходящая до рвоты?

– Так и есть. С самой астмой я свыкся. Да и лекарства помогали.

– Как давно вас полностью обследовали? Я не нашёл заключения врача, что тошнота — это осложнение астмы. Возможно, у вас есть другое, не диагностированное заболевание.

– Сомневаюсь, – Раймон качнул головой, мысленно готовясь к долгой беседе. – Приступы начались примерно в одно время. В детстве.

Доктор покивал, но, сцепив руки в замок, всё-таки приступил к допросу:

– Как вы это ощущаете? Как долго? Изменяется ли температура тела в процессе? Бывают ли судороги, рвота с кровью или желчью, нарушение речи?

– Нет, крови никогда не было. Судорог тоже. В обмороки я тоже не падаю, разве что пару раз, когда загазованность была больше сорока пяти процентов. Обычно меня просто мутит, но иногда это растягивается по времени, а иногда усиливается и я блюю.

– Как вы чувствуете себя сейчас?

Раймон хмуро встретил цепкий взгляд на своём лице. Наверняка скоро врач поймёт, что его постоянная бледность — не просто естественный цвет кожи.

– Плохо. Перед перелётом было ещё хуже, будто...

– Будто? – подбодрил Блэквуд.

– Будто я уже пикирую в небе. Голова кружилась, но, к счастью, до рвоты дело не дошло.

– Как вы боретесь с тошнотой?

– Капсами, – смирился с признанием Раймон. – Перепробовал тоже много чего. Пока что остановился на «К-Ардифарине*».

– Холинолитик? – удивлённо уточнил врач. – Что ещё вы пробовали?

– «Панкреатинофаз*», «Сорбефин*», «Дриадагель*» и пару десятков их аналогов.

– Хм, из того, что помогло снизить интенсивность тошноты лишь лекарство от укачивания, я могу сделать предварительный вывод: у вас действительно нет подозрений на заболевания внутренних органов. Желудок, кишечник, печень вас не беспокоят?

Раймон отрицательно качнул головой.

– Не было ли у вас травм головы или осложнений после охлаждений, простуд?

– Нет.

Доктор вновь задумчиво похмыкал, однако, не отступился. Расспросы продолжались и продолжались. Раймону пришлось вспомнить словно целые сотни лекарств, врачей и их назначений, клиник и неприятных и курьёзных случаев, связанных с закружившейся головой или невовремя излитыми остатками еды.

«Боже, держи свои массы в маске», – говорила его тётя, когда её, саму ещё подростка, заставляли следить за внезапно занемогшим племянником.

Гулять она с ним выходила всё реже и реже, а потом и вовсе использовала первую же возможность и нашла работу в меловом карьере на другом конце города.

Ей удалось там задержаться, и его мать после недолгих уговоров последовала за ней. Отец умер прежде, и в шестнадцать Раймону самому пришлось справляться с дезориентацией при поиске аптек. Возможно, он делал это успешнее, чем все они, и нашёл не только лекарства, но и подпольных врачей, друзей и не совсем доступные каждому знания.

Но образование доктора Блэквуда было явно более предметным, и тот, немного подумав, озвучил:

– Что же, мистер Раймон, у нас нет причин ждать с вашим лечением. А потому, для начала я проведу с вами разные виды диагностики. Проверим всё-таки ваши внутренние органы, а также реакции мозга на возбудители и состояние внутреннего уха.

– Согласен, – не стал отнекиваться Раймон, зная, что хоть обследований за недолгую жизнь он прошёл достаточно, но каждому новому врачу, видимо, не доверяющему остальным, требуются всё новые и новые.

Он подписал последние документы и тут же, в кабинете доктора Блэквуда, отдал тому на хранение удостоверения, планшет и спуфон. Маленький ящик, спрятанный за зеркальной плиткой, едва слышно защёлкнулся, вернувшись в свой пазух. У Раймона в сумке осталась практически одна одежда.

Врач гостеприимно повёл его по упорядоченным коридорам клиники, неторопливо давая осмотреться.

– В случае, если вам что-то понадобится, обращайтесь к медперсоналу. Медсёстры сменяются два раза в сутки, а потому не ждите кого-то одного — не стесняйтесь. Здесь у нас общие комнаты отдыха: видик, книжные планшеты и даже книги для тех, кому на время лечения противопоказаны экраны. По этой лестнице можно спуститься вниз и оттуда попасть в парки. Свежий воздух обеспечен. В случае непредвиденных загрязнений оповещения раздаются везде: в палатах, комнатах и коридорах. Душевые общие, кроме тех, что используются для процедур. Там конечно же, сохраняется приватность. Наша клиника придерживается принципа взаимопомощи. В случае, если увидите, как кому-то из пациентов стало плохо, просим вас вызвать медсестёр либо врачей. Столовая тоже общая, если вам не будет назначен специальный режим.

– Специальный? – ухватился Раймон. – Так психически больные у вас всё-таки есть?
Доктор задержал шаг, оглядываясь.

– Можно сказать и так, мистер Раймон. Наша клиника принимает пациентов не только с физическими недомоганиями, но и с недостатками эмоционального спектра. Не переживайте: их палаты располагаются на верхних этажах. Они отделены от остальных, а их жильцы не могут взаимодействовать с вами.

Так, за короткой экскурсией, врач проводил его до выделенной палаты. Базовая, с полным содержанием. Стоимостью сто тысяч знаков в неделю. Белые стены приветственно сверкнули изнутри.

Раздался едва слышимый шелест. Дверь в палату распахнулась. Осторожно толкая перед собой тележку, внутрь прошёл медбрат, выглядывая его лицо.

Раймон мигнул ему и приподнял голову, возвращая её на подушку.

– Привет, – Оливер улыбнулся. – Опять пропустил обед?

– Пришлось, – Раймон кивнул на слабо мерцавший короб.

– Всё путём, я принёс тебе твою порцию. Сегодня давали два салата. Один с говядиной.

– О, шикарем?

– Ага, а завтра, вроде, будет утка.

Медбрат деловито отодвинул короб подальше и опорожнил, профессионально не дав Раймону разглядеть содержимое. Вроде бы, оно уже должно было наполовину раствориться от сорбентов.

Следом пришло время белья: так как Раймон всё реже покидал палату, персоналу приходилось проводить короткую уборку прямо при нём.

Он встал и присел на одинокий стул, поставленный тут для навещающего врача. Ни видика, на даже окна, куда мог бы упереть взгляд пациент, к его сожалению, не было.

– Капсулы Блэквуд мне не выдал? – без особой надежды спросил Раймон.

Оливер сочувственно покачал головой.

«К-Ардифарин*» для чистоты анализов Раймону отменили, и он всё чаще предпочитал не маячить по коридорам без особой нужды, словно заземляясь в белизне палаты. К счастью, лекарств ему пока назначили не много, и медперсонал не являлся к нему каждый час с требованиями есть, пить и глотать пилюли, как ко многим другим. Приёмы пищи он мог пропускать, когда вздумается, согласно самочувствию. Доктор Блэквуд интересовался его режимом и вносил все данные в карту, будь то вынужденное голодание или исполнительное следование расписанию клиники.

Последнее, правда, бывало всё реже: анализы и проверки органов и показателей его тела требовали больше усилий и отмены даже тех лекарств, к которым он привык. Но астма, к счастью, пока не грозила ухудшением, и Раймон не особо опасался, что что-то пойдёт не так. Пригляд тут был хорошим, и кнопка вызова персонала всегда срабатывала вовремя.

– Я настрою часы на девять вечера, – предупредил Оливер, закончив выставлять еду с подноса на выкатную панель, которая по необходимости выступала прямо из стены. – Или прийти проводить тебя?

– Поставь пока часы, – подумав, отозвался Раймон.

Ни экранов, ни циферблатов, ни даже проекционного табло в его палате не было, но было своеобразное говорящее оповещение. Спокойный женский голос часто будил его, предупреждая о завтраках, обедах, ужинах или процедурах. Раймон быстро привык и сам просил персонал добавить предупреждение об окончании дня, чтобы успеть сходить помыться. Хоть и неторопливо, но даже с головокружением, он уверенно доползал по стене до душевых.

– Поешь, как сможешь.

Оливер вытолкнул тележку, и дверь за ним закрылась. Раймон вновь лёг на койку, но голову оставил на подушке. Теперь в палате запахло довольно неплохо.

– Итак, мистер Раймон, часть ваших анализов мы собрали, – поприветствовал его врач на одном из плановых осмотров. – Ничего плохого они не показывают: небольшие колебания проходимости бронхов, временное загромождение крови. Ничто из этого не является причиной вашей тошноты.

Раймон согласно кивнул: он и не думал, что причина отлична от названной. По крайней мере, по анализам точно.

– Теперь, после отмены ваших препаратов, можем провести и обследования внутренних органов. Чтобы не перенапрячь вас, процедуры будем ненадолго разносить по времени. В целом, это займёт около трёх недель.

– А можно, – он поспешил высказаться, пока доктор не погрузился в разъяснения и бумагу, – можно как-то ускорить процесс? Я вполне способен потерпеть неудобства, а вот задерживать лечение не хочется.

– Понимаю вас, но, боюсь, форсирование процедур может негативно сказаться на результатах.

Доктор пролистал пару страниц на планшете и оценивающе глянул на него, словно раздумывая.

– Возможно, мы проведём пару сканирований в день? Но нужно будет понаблюдать, как вы реагируете на излучения. Возможно, они могут спровоцировать усиление астматических приступов по ночам.

– По ночам их у меня почти нет, – Раймон пожал плечами. – Я готов рискнуть.

– Что ж, попробуем. А как ваше состояние в целом? Тошнота усиливается без лекарств?

Раймон задумчиво прислушался к себе, потерев шею. Он знал, что скрывать ничего от доктора не стоит, но его беспокоило что-то неопределённое.

– Кажется, не усиливается. Но я как будто чаще её замечаю.

– Вот как.

Вслед за цепким взглядом Раймона коснулась и рука доктора с каким-то датчиком. То ли температурный, то ли ещё какой показатель на нём настойчиво пикинул.

– Мне показался немного странным ваш выбор лекарства. Его побочные эффекты могут привести к усилению вашего состояния в будущем. Возможно, когда мы закончим ваши обследования, я подберу вам что-то получше.

Раймон не стал спорить. Он был согласен с тем, что каждый должен заниматься своими делами. И, как он сам мог бы наладить внутренние технические процессы клиники, усилить защиту приватных данных её пациентов или работников или начертить план внутреннего мини аэропорта, так и доктор наверняка разбирался в процедурах, лекарствах и экспертизах каждой клеточки организма.

Однако врач не торопился. Раймона изо дня в день водили на заборы крови и дыхание в трубочку, облучения и излучения. Даже спал он иногда под надзором настойчивого и настырного взгляда камеры, словно нарочно выдвигающейся из потолка. Даже зная, что, и не выдвигаясь, она не отключается, он немного нервничал, замечая шевеления и шелест в тишине ночи.

И, хоть астма не проявляла себя слишком часто, вскоре ему пришлось прекратить посещать комнаты отдыха, уютные зелёные парки и даже столовую, когда его покачивания и держание за стенку становились слишком очевидны для остальных пациентов и, должно быть, начинали некоторых тревожить. Пара человек, с которыми он успел кратко познакомиться, не спешили продолжить общение, и Раймон не стал настаивать. Он надеялся, что погружаться в жизнь клиники и запоминать всех её постояльцев ему не придётся.

Часы не успели оповестить Раймона ни о чём. Он заснул, а проснулся под цепким взглядом тёмных глаз доктора. Блэквуд сидел на стуле возле него и что-то печатал в планшете, едва слышно клацая плоскими клавишами.

– Мистер Раймон.

Врач заметил его пробуждение, но предупреждающе махнул ладонью, оставляя лежать. Только после Раймон заметил у себя на руке контейнер с растворяющейся возле кожи капсулой.

– Как ваше самочувствие?

– Сносно, – Раймон, лёжа, пожал плечами. – Вроде бы лучше, чем днём. Пожалуй, я бы даже поел.

– Это хорошо. Дополнительная слабость от голодания нам не нужна.

Обруч на руке пикнул и, скосив глаза, Раймон увидел, как в опустевший контейнер стала поступать кровь.

– Не волнуйтесь, – предупредил Блэквуд. – Это стандартная процедура. В капсуле разжижающий экстракт, а в контейнере микронасос. Он откачивает кровь непосредственно из центральных артерий. Так мы будем брать у вас кровь через день.

– О, а как прежние заборы? Не устроили?

Блэквуд, как будто устало, выдохнул.

– Нет, мистер Раймон, с ними всё хорошо. Ваших анализов достаточно для начального диагноза. И боюсь, он неутешительный.

Раймон нахмурился, чуть не подавшись назад, подальше от странно замолчавшего врача. Удержавшись от излишнего проявления недоверия, он поторопился:

– И? Какой же?

– В общем-то никакого.

Аккуратным движением Блэквуд снял прибор с его руки, оставив там тонкие красные полосы от сжимавшей кожу ленты. И вновь вернулся к планшету.

– Как и прежде, другого диагноза, кроме как астмы я выявить не могу, а значит, у вас нет и заболевания, поддающегося лечению. Мы можем продолжать лечить лишь симптом.

– А почему это плохо?

– Потому что, успокаивая приступы тошноты, мы можем либо упустить усугубление вашей болезни, либо и вовсе спровоцировать его. Иными словами, любое лекарство, назначенное наобум, может стать случайным возбудителем.

– Но я не могу и отказаться от лекарства, – заметил Раймон.

– Не можете. Но, боюсь, лечение нам придётся подбирать долго, и оно вряд ли сдержит вашу тошноту навсегда.

Врач снова рассказал о проведённых исследованиях, о результатах анализов, и долго расписывал, что клиника и он сам могут дать в случае Раймона Шуна. Выходило: здесь нет запрещённых для него капсул или процедур, время лечения не ограничено и квоты и больные не списываются по решению внешних судей. Клиника и доктор Блэквуд будут лечить его всеми способами, и наверняка найдут выход.

Вот только Раймон уже пробыл тут отведённый им месяц. У него, и даже у сына мэра скоро кончатся деньги. И тогда даже стандартная палата — по сто тысяч знаков в неделю, станет недоступна. Вскоре он выпишется из клиники, растратив все накопления, и так и не избавится от настойчивой, заставлявшей терять ориентацию и то и дело задирать голову вверх, тошноты.

Глава 2. Цена новых штанов

– Здравствуйте, вы на приём к целителю? – спросила девушка, похожая на оленёнка из мультика.

– Эм, привет. Да?

Кайга нарочито развёл руками, зацепив палками заскрежетавший пол.

– Проходите, пожалуйста. Оплата сразу — пять тысяч знаков. Если вас не успеют принять сегодня, придётся прийти ещё раз. Повторно платить, конечно, не надо.

– Хм, а вдруг мой случай сложный, и не... исцеляемый? Мне тогда деньги вернут? – спросил он, не спеша проходить за отошедшей девушкой, шире распахнувшей дверь.

Тянул время, мельком заглядывая внутрь. Больше никого не было видно, посторонних запахов или звуков, кроме доносившейся издалека музыки, он пока тоже не замечал.

– Не волнуйтесь, Раймон приложит все силы, – заверила девушка, мило улыбнувшись. – Но, если вдруг что-то пройдёт не так, конечно, мы всё вернём.

Он пожал плечами и порылся в карманах толстовки, достав карточку. Крохотный частный терминал девушки пикнул, и ему указали вперёд:

– Проходите. У нас живая очередь. Я вызову вас, как только подойдёт ваша. Пока, пожалуйста, располагайтесь здесь. И просим на время сдать спуфон: съёмка запрещена.

Он, нахмурившись, согласился. Тёмный экран лишь наполовину исчез в её маленькой ладони.

– Если время ожидания затянется, предлагаем перекус, воду, чай. Если нужно что-то ещё, говорите. Я Сузи.

– Кайга, – слегка оторопело ответил он.

Перед ним открылась обычная квартира. Коридор углублялся дальше, уводя, вероятно, к комнатам. В широком холле вдоль стен стояли маленькие диванчики, словно в обычной комнате ожидания. В дверном проёме напротив угадывалась кухня.

Сузи расположилась за стойкой, отделявшей холл от остальных комнат, принявшись что-то писать в планшете, изредка прислушиваясь и поглядывая на дальнюю дверь. Кайга первым делом посмотрел туда же: лишь замок говорил о том, что внимание нежелательно. Ни охраны, ни камер.

На одном из диванчиков сидел мужчина, по виду — рабочий, спокойно смотря в негромко голосащий видик. В кухне кто-то хозяйничал: бурлила вода и звенела посуда.

Кайга растерянно добрался до пустого дивана. Кажется, очередь была небольшой, но и в таком виде он застать её не ожидал. Словно у частного парикмахера.

Невидяще уставившись в мелькающее на экране шоу, он принялся ждать. Часы на стойке у Сузи показывали семь тринадцать, и он понадеялся, что повторно сюда возвращаться не придётся.

Рабочий неподалёку не выказывал ни к чему интереса, и Кайга постарался придумать, зачем тот мог прийти сюда. Ни гипса, ни перевязей заметно не было. С кухни раздались шаги и показался высокий лысый парень с дымящейся в руках кружкой.

Они встретились глазами, и кружка дёрнулась.

– Не может быть! – удивлённо воскликнул парень. – Вы же Тоусен Кайга!

Едва заметно недовольно поморщившись, Кайга кивнул. Присев рядом, тот быстро заговорил, словно забыв про явно горячую кружку в руке:

– Чёрт! Мой брат болеет за «Крылатых Моггс» с самого детства! Я слышал про вашу травму. Но думал: врачи смогут вас подлатать.

– Ну, как видишь, они могут не всё, – хмыкнул Кайга.

– Да уж.

Парень круглыми глазами обозревал его затянутую в гипс ногу и отставленные костыли.

– А вы тут часто бываете? – вдруг покосился он в даль коридора.

– Нет, конечно. Решил поверить в силу рекламы.

– Жаль, – лысый немного скис. – Я подумал, этот целитель как-то связан с вашими. Говорят, каждая команда имеет частного врача.

– Имеет. Но этот точно не наш.

Парень скис ещё больше и, растерянно глянув на Сузи, подул на чашку.

– Как тебя звать? – спросил Кайга.

– Джейкоб Бирнем. Джей, для друзей.

Разулыбавшись, тот протянул ему руку.

– Так что, Джей, ты тоже про этого Раймона ничего не знаешь? – он приглушил голос.

Сузи наверняка его слышала, хоть и никак не реагировала, но совсем нарываться, боясь, что его вытолкают, как Эри, он пока не стремился.

– Ну, говорят, кой-кого вылечил, – уклончиво сообщил парень. – Я вот и подумал: а вдруг?

– Ты здесь зачем? – нарочито пристально оглядев его ноги, спросил Кайга.

– Ха-ха, нее, мистер Тоусен. Я и не спортивный, и не драчливый. Но вот...

Парень как-то неловко огляделся и провёл рукой по макушке. Даже вблизи совершенно лысой.

– По врачам давно хожу, говорят: витаминов не хватает. А каких, неизвестно. Вот и подумал, вдруг что другое попробовать? Да и за такую цену не жалко, вроде.

Тут он не кривил душой. Пять тысяч знаков не так уж и много не только для звезды футбола, но и для обычного работяги. Так стоит обед в среднем заведении или пара штанов. Казалось, странная цена для целителя. Не парикмахер, конечно, но и не частный ювелир.

Кайга хотел было согласиться или пошутить, но не успел: открылась дальняя дверь и оттуда раздались приглушённые рыдания.

По коридору шли трое: женщина, с плачем держащаяся за локоть, видимо, мужа, удивлённо разглядывающего стены, чуть не спотыкавшегося от кручения головой, и следом, должно быть, провожающий их целитель.

Он твёрдо придерживал мужика, направляя на выход. Ростом выше среднего, худой, темноволосый. В обычной повседневной одежде. Ни медицинской формы, ни какой-нибудь мантии фокусника на нём не было. Должно быть, заметив на диванах новенького, целитель задержал на нём взгляд и кивнул, поздрававшись.

– Сузи, проследи.

Вместе с женщиной усадив мужика на диван, он вернулся обратно, кивнув помощнице:

– Следующего.

Также с интересом следивший за происходящим Джей вскочил. К счастью, кружку он успел осушить, и от рывка ничего не пролилось.

– Проходите, пожалуйста, – пригласила Сузи.

Парень скрылся с глаз. Рядом остались лишь рабочий и взбудораженная парочка.

– Я же говорила. Говорила!

Женщина опять зарыдала. Мужик удивлённо озирался.

– У вас всё в порядке? – спросила Сузи. – Может, воды?

– Н-не, спасибо, – оторопело проблеял мужик. – Нам — всё. Больше ничего не надо.

– Так хорошо лечит? – с нарочитым сомнением протянул Кайга.

Мужик было непонимающе повернулся, явно наливаясь недовольством, но натолкнулся взглядом на костыли и ненадолго замолк.

– Не бойся, парень. У меня глаз не было! Сжёт! На производстве работал. Окаатило струёй из пароочистки. Полпенсии, и за порог. Ни лица, ни глаз. Но вот ведь!

Мужик опять задохнулся и вытаращил глаза, то ли желая во всей красе их продемонстрировать, то ли стараясь лучше увидеть его на расстоянии метра.

– Не бойся, герой! – воодушевлённо закончил он. – Наверняка и тебя на ноги поставят! Кайга слегка отодвинулся. Эмоциональность парочки наигранной не казалась. Но и поверить в случившее с ними чудо он не спешил.

Может, это подставные актёры? Но на что расчёт? Пять тысяч у него уже забрали, больше никаких колб для пожертвований видно не было. Вернётся ли пара, если лечить больше нечего?

Не сразу успокоившиеся мужик и женщина ушли. Сузи, проводив их, обыденно вернулась за свою стойку.

Рабочий, ненадолго отвлётшийся от видика, нахмурившись, вернул ему сомневающийся взгляд, но обсуждать ничего не спешил. Кайга тоже замолчал. Часы на стойке показывали семь тридцать восемь.

Время тянулось неспешно, словно играясь с его нетерпением. Интересоваться проблемами рабочего Кайге не хотелось, а как разговорить Сузи он не придумал. Едва разбавляемая звуками из экрана тишина немного угнетала, и пару раз он растерянно останавливал руки, непроизвольно оцупывающие гипс.

Однако скоро дверь распахнулась. Джей, на этот раз без сопровождения, шёл обратно. Как ни удивительно — всё ещё без волос.

– Ну как оно? – в последний момент смягчив колкий вопрос, поинтересовался Кайга.

– Да пока не знаю, – лысый с улыбкой пожал плечами. – Сказал, через пару дней расти начнут.

– Мистер Фишер, проходите, пожалуйста, – Сузи позвала работягу, и тот проследовал за её жестом.

– Ну ладно, бывайте, мистер Тоусен.

Джей помялся рядом, глядя на него жадными глазами.

– Удачи! Мы с братом будем ждать вас на игре!

Покосившись на Сузи, видимо, как и Кайга, боясь, что его могут грубее попросить на выход, если он слишком задержится, парень покинул квартиру.

Кайга задумался, прислушиваясь. Возвращались ли к целителю недовольные лечением? Стал бы он сам пытаться вернуть жалкие пять тысяч? Или наплевал бы, зная, что потратит больше времени, добираясь почти на окраину города?

Шоу по видею завершилось, и началось следующее. Ни он сам, ни Сузи внимания на мельтешение на стене не обращали. Кайга почти заскучал, но раздался новый звонок в дверь, и эта трель показалась даже настойчивее, чем у Эри.

Звук, сначала едва перекрывший устоявшийся шум видика, трезвонил всё настырнее и сильнее. Перед самой дверью Сузи уже почти бежала.

– Здравст...

Девушка не смогла договорить. С той стороны в дверь кто-то вцепился и потянул на себя.

– Пустите! – раздался словно придушенный голос.

– К целителю? – понятно уточнила Сузи. – Пять тысяч.

– Деньги есть. Я заплачу. Пустите!

Кайга вывернул шею, пытаясь в зияющем наискосок проходе разглядеть новоприбывшего. Мелькнула мысль, что, если там кто-то буйный — сейчас он девушке вряд ли помог бы.

– Конечно, проходите! – прозвучало в ответ даже без пиканья терминала.

По коридору торопливо прошёл парень, чуть ли не обнимая объёмную спортивную сумку. Растрёпанные волосы мешали разглядеть лицо, но был он явно не из богатеев.

– Присаживайтесь, – Сузи указала на недавно освободившийся диванчик. – У нас очередь. Я вас сразу же вызову, как только пройдут все. Раймон принимает до девяти.

Поддавшись нервному порыву парня, все следом посмотрели на часы. Цифры замигали на шести минутах девятого.

– Ладно, хорошо, что там?.. Заплатить?..

Парень принялся рыться в карманах словно большой ему кожаной куртки. Кожзама, конечно же — кем нужно быть для натуральной одежды даже Кайга мог лишь прикидывать. Руки парня тряслись. По терминалу Сузи он попал не с первого раза.

Девушка вернулась за стойку, спокойно приняв оплату, и вновь занялась своими делами. Новенький парень понемногу затих, лишь его колено тряслось и нога выбивала рваный ритм, добавляя ноты шороха. Сумку тот притиснул к дивану, чуть не загнав в щель над полом, словно боясь, что пожитки могут отнять.

Кайга молчал, периодически посматривая на, видимо, последнего на сегодня посетителя странной лечебницы. Нога парня так и выбивала чечётку, волосы занавесили склонённое лицо. Кадык на бледной шее иногда дёргался, словно тот сдерживал спазмы. Заметив, что и ладони, сцепленные в замок, дрожат, Кайгу осенило.

«Чёрт, он же нарик!».

Ещё не прошло и десяти минут, а дрожь парня усилилась. Что тот учинит, когда ломка станет невыносимой?

Кайга незаметно подтянул костыли поближе — что-то же должно будет помешать способному внезапно взбеситься наркоману кроме мелкой девчушки? Теперь он не знал, хочет ли, чтобы скорее подошла его очередь отправляться на сеанс или лучше погодить.

На часах медленно сменялись цифры, сомнения о способностях странного целителя кружились в мыслях, парень рядом дрожал, но, наконец, напряжённое ожидание кончилось. Дверь комнаты отворилась: рабочий показался в коридоре, почти такой же безучастный. Его провожали.

Раймон Шун прошёл за посетителем след в след и, когда Сузи закрыла за тем дверь, остановился напротив наркомана. Тот вздёрнул голову, жадно разглядывая целителя.

– У вас ломка? – спросил Раймон, похоже, ни считаясь с врачебной тайной.

Нарик, словно устыдившись, кивнул.

– Я потому и пришёл. Не могу больше. Я уже всё потерял. Вот, – рвано бросая фразы, он вытащил сумку, – здесь всё, хоть немного ценное, что осталось. Я за дозой шёл. Но вывеску увидел. Можете... Можете мне помочь?

Голос парня задрожал. Руки тоже, отчего сумка зашуршала как маракасы в ансамбле. Раймон присел на корточки перед ним, взяв его ладонь в свою.

Кайга вытянул шею, но этого и не потребовалось — целитель обратился к нему:

– Мистер Тоусен, следующим я должен принять вас, но, боюсь, пытку даже в полчаса он уже не осилит. Пустите его вперёд?

Теперь уже оба смотрели на него. Целитель с ожиданием, а нарик... Парень так, будто от ответа зависела его жизнь.

Отчего-то смутившись, Кайга уже хотел было махнуть рукой, но тут его озарила немного подленькая мысль о новых возможностях.

– Это быстро? Или мне теперь что — заново сюда завтра переться?

– Ну, не быстро точно, – Раймон пожал плечами, встав. – Но, если вы согласны подождать здесь, я могу задержаться.

– Задержаться, – Кайга недовольно скуксился, стараясь только не переборщить. – А ночной тариф у таксистов в два раза дороже.

Он выждал мгновение, чтобы те взвесили их возможности и его покладистость, и дождавшись, когда рука парня дёрнулась за сумкой или за карточкой, продолжил:

– Ладно, я в принципе, не против, но есть условие: покажите, что будете с ним делать.

– Хотите наблюдать за сеансом? – целитель склонил голову набок.

– Именно, – ухмыльнулся Кайга. – Вдруг и ждать-то мне нечего?

– Ну, это не мне решать.

Они оба уставились на парня.

– Согласен. Всё, что хотите!

– Ладно, идёмте тогда, – Раймон вновь пожал плечами. – Сузи, выключай всё и можешь идти.

– Хорошо, пойду в девять. Ужин в шкафу!

Целитель кивнул ей и пропустил их обоих вперёд, уже открывая и придерживая дверь в комнату сеансов. Кайга застучал костылями следом за дождавшимся парнем.

«Кабинет» был небольшим. Посреди у стены стояли кушетка и несколько стульев, а поодаль стол, и предостерегающе высились закрытые шкафы. Лампы под потолком обыденно светили, не ослепляя, как в большинстве клиник. На всякий случай Кайга принюхался и прислушался. Ничем подозрительным не пахло, и постороннего фонового звучания не раздавалось. Он понадеялся, что технический гипноз распознал бы.

– Как вас зовут? – спросил Раймон, одновременно указывая Кайге на ближайший стул.

– Мэтт. Мэтт Харвинг.

– Хорошо, Мэтт. Ложись пока.

Больной кивнул и быстро улёгся, вперив в целителя выжидающий напряжённый взгляд.

– Сразу всё лечение ты, боюсь, тоже не вытерпишь, – сказал целитель, встав рядом с ним.

– Поэтому сначала я пригашу ломку, а потом уже будем исцеляться целиком. Идёт?

– Согласен, – парень нетерпеливо облизнул губы. – Делайте всё, что нужно.

Раймон кивнул и подошёл вплотную, наложив руки на затылок парня. И тут Кайга испытал настойчивое желание выйти вон. Руки целителя по-настоящему засветились.

Обругав себя за то, что не догадался рассмотреть его ладони загодя, Кайга взглянул пристальнее.

Но прозрачный золотистый свет, и вправду, казалось, лился прямо из рук того, ничем не касимый и не испускаемый. Касался чёрных взерошенных волос и исчезал в них, не напоминая лучи ни невидимых рентгенов, ни сиглазеров, проходящие насквозь.

Парень лежал, больше не дрожа и не дёргаясь, целитель не двигался. На стене здесь тоже висели часы, и лишь их мерцание говорило о пробежавшем времени. Вскоре Кайга устал тянуться и выглядывать не изменяющуюся картину и откинулся на спинку стула. Лишь через полчаса свечение погасло.

– Ну как? Чувствуешь что-нибудь? – спросил Раймон, пряча ладони.

– Да. Да, мне... легче.

Мэтт потёр лицо руками и свесил ноги с кушетки, словно ему нужно было почувствовать тело в нормальном положении.

– Хорошо, – ответил Раймон, отойдя и уперевшись бедром о стол.

– А что дальше? – спросил парень, отчего-то оглянувшись и на Кайгу.

Ему показалось: глаза наркомана стали будто более осмысленными и теперь тот прикидывал, на что подписался.

– Вот и я не знаю, – задумчиво протянул целитель.

Оба посетителя воззрились на него с удивлением.

– Наркоманов я раньше не лечил, – со смешком Раймон развёл руками. – Ладно, не бойся, сейчас что-нибудь придумаю.

– «Наркотики», – будто размышляя вслух, заговорил он снова, разглядывая парня и иногда поглядывая на Кайгу, словно ожидая то ли поддержки, то ли окрика. – «Психоактивные вещества, в большинстве своём синтетического происхождения. Способны вызывать анальгезию, ступор и кому. А также неотделимы от привыкания, которое во все времена грозило

нищетою, деградацией и, в целом, неприятностями». Как мне говорили. А значит, они накапливаются в организме и снижение концентрации вызывает желание новой дозы. Так?

Мэтт неопределённо кивнул.

– Ты давно пил?

– Я... две недели назад.

– Да не их! Чем бы они не были, – отмахнулся Раймон. – Воду, чай, сок? В туалет хочешь?

– А, – понял парень, – да не очень. Часа три прошло.

– Отлично. Смотри: нам нужно вывести всё, что осталось в организме, а потом закрепить эффект лечения, которое я уже провёл. Иначе, если оставить всё, как сейчас, ломка уменьшится, но вернётся. Но также рано и или поздно вернётся желание в мозгах. Так что, будешь сейчас много пить.

Уверенная улыбка Раймона, казалось, заинтриговала обоих. Кайга поймал взгляд парня и кивнул, вновь опираясь на костыли — их ждала кухня.

Золотой свет на этот раз пронзил кувшин с водой, переливаясь в прозрачности, и Мэтт по указке целителя выпил тот целиком чуть не залпом. Раймон только успевал вручать ему кружки. Только на последней, четвёртой уже, парень стал отпыхиваться, как престарелый пылесос.

Напоследок ладонь целителя зависла чуть ниже живота парня, отчего тот охнул и как-то сжался.

– Прямо по коридору, – кивком указал Раймон. – И вам придётся пойти вместе, если мистер Тоусен желает наблюдать за всем процессом.

Кайга опешил, успев подумать, не специально ли целитель выдумал такой интригующий метод лечения, но кивнул. Раз уж он начал здесь наглеть и обещал Эри, то не собирался идти на попятную от какой-то фальшивой скромности. Что он, голых мужиков не видел?

Хмыкнув, даже целитель прошёл следом за ними, и все трое набились в тесноватый туалет квартирки.

Мэтт, всё ещё пыхтя, расстегнул штаны. Кайга, чувствуя себя всё-таки несколько странно, вперился в глянцевую белизну внутри унитаза. Мутная вода подмигнула ему бликующим отражением.

Когда процесс пошёл, Мэтт дёрнулся и едва не забрызгал их всех. Вместо весёлой жёлтой струйки из него с трудом, словно нехотя выталкиваясь, полилось нечто чёрное и вязкое. Даже унитаз, должно быть, удивился. Жижа ударилась о борт, уронив несколько капель себя на пол, и неторопливо, как слизень, заскользила по бортам внутри.

Раймон ловко подскочил к внезапно зашатавшемуся парню и надавил тому на макушку. Содержимое его желудка помогло чёрной слизи смешаться с водой быстрее. Кайга с облегчением дотянулся рукой до смыва, желая никогда этой гадости больше не видеть.

– Ну, вот. Начало положено.

Раймон сочувственно похлопал парня по плечу, убедившись, что больше тот не спешит терять равновесие.

– Умойся пока и возвращайся к нам.

Кайга мыл руки, пока целитель выуживал откуда-то бутылки воды — решившемуся излечиться наркоману наверняка потребуется не одна.

– Это всегда так будет? – ошарашенно спросил Мэтт, через минут семь появляясь следом.

– Пока вся гадость не выйдет, – кивнул ему Раймон. – Давай, пей.

И парень стал пить.

Кружка за кружкой пустели. Бутыль за бутылкой золотились изнутри и тоже выстраивались вдоль раковины. Мэтт уходил и возвращался уже куда быстрее, и Кайга больше при процессе не присутствовал. Достаточно было заверений, что вязкая чернота постепенно бледнеет

и растворяется. Он вряд ли поверил бы словам, но вид повеселевшего и словно оживающего парня говорил сам за себя.

Вскоре Раймон решил-таки подтвердить окончание лечения, и трое вновь протиснулись к унитазу. Тот, видимо, радуясь такому вниманию, заблестел белыми краями и улыбнулся желтоватой улыбкой.

– Ну да, моча как моча, – согласился и Кайга, когда все трое пытались оценить чистоту анализов лишь методом визуальных наблюдений.

– Хватит, пожалуй, – подтвердил Раймон. – Пойдёмте заканчивать.

Заканчивал он так же: возложил святающиеся руки на голову Мэтта, пока тот лежал на кушетке, закрыв глаза. В этот раз дело завершилось немного быстрее.

Часы пиликнули десять. Бывший наркоман сел, словно вслушиваясь в себя.

– Ничего не чувствую, – тихо, задумчиво сказал он. – Ничего. Ни ломки, ни желания. Как вы и сказали. Неужели я вылечился?

Он поднял глаза на целителя, и Кайга, не видя его лица, представил его выражение. Недоверие, сомнение, надежда.

– От влияния вещества — да, – кивнул ему Раймон. – Молодец, что пришёл. Организм теперь чист. Не знаю, с чего ты вообще решил начать, но главное теперь, чтобы это не повторилось. Я могу убрать внушённое желание; побороть твоё собственное — можешь только ты.

– Можно привести к вам других?

Мэтт спросил слишком тихо, и Кайга непроизвольно обменялся взглядом с Раймоном.

– Ты можешь, – тот пожал плечами, – но те, кого ты приведёшь, от меня отправятся за новой дозой.

– Понимаю, – глухо согласился тот.

Тягостное чувство немного развеялось, когда глубоко вздохнувший парень упруго встал с кушетки. Кайга знал: такие просто не сдаются.

– Я провожу, – пригласил Раймон, и они вышли.

Кайга следом не пошёл: от долгого скакания по квартире туда-сюда нога разболелась. Натёртые ручками костылей ладони заныли тоже. Вечерняя усталость словно копилась вместе с темнотой за окном, которая скрывалась за занавесками, но всё равно ощущалась. И даже пробуждавшееся то и дело предвкушение не могло уже её развеять.

Иногда всё идёт слишком хорошо.

Он не знал, что увидел. Не знал, можно ли было обмануть его светом из какого-нибудь микро-диода и красителя, проявляющегося только в моче. Что это было: актёры, подставные посетители, гипноз или жестокая шутка разочаровавшейся в нём Эри?

– Извините, мистер Тоусен, за долгое ожидание, – сказал Раймон, возвратившись.

– Да ничего. Это было познавательно. Часто у вас такие экстренные случаи?

– Не особо. Но иногда что-нибудь происходит.

– Прямо как в настоящих клиниках. Видимо, я и в этот раз стал везунчиком.

После знака Раймона он вполз на кушетку, выпуская, наконец, костыли.

– Да уж, «Крылатые», наверно, состояние сделали на вашей удаче, мистер Тоусен.

Раймон не спешил подходить ближе.

– Можно просто Кайга, – он поморщился: после того, как они вместе следили за испражняющимся нариком, официоз стал как-то не к месту.

– Штаны снимай, Кайга.

Раймон, как ему показалось, чуть язвительно не заржал, и он хмыкнул:

– У нариков сквозь одежду всё просвечивало, а меня напрямую полапать надо?

– Ну, если тебя волнует не перелом, а ишурия, тогда поможет и так. А если всё-таки кости, то, чем меньше слоёв будет мешать, тем лучше. Если, конечно, не хочешь задержаться ещё на пару-тройку часов.

Кайга не стал дожидаться окончания объяснений и разделся, с трудом извиваясь на кушетке. Может, хоть так целителю станет стыдно от подтрунивания над сирыми и убогими.

Наконец, он снова воочию увидел серую корку улучшенного гипса. Под ней всё опять ныло. Обезболивающие помогали едва-едва.

Отбросив мысли, что не стоило всё же так много бродить, он кивком подозвал Раймона:
– Готово.

Светящиеся ладони не ощутились никак. Ни нажатия, ни касания сквозь гипс не проникло.

– У тебя три перелома, – нахмурился Раймон. – Кто-то прямо постарался.

– Фанаты. Задушили объятиями.

– Я снимаю гипс, – предупредил целитель и потянул за край шва.

Тончайший слой, незнамо как способный фиксировать повреждения, легко поддался. Синяки расцвели на ногу, словно напоминанием о сине-зелёной форме «Моггс», которой его все сейчас грозились лишить.

– Ничего, – словно услышав его пораженческие мысли, подбодрил Раймон. – Получаса мне хватит.

И время пошло.

Золотое сияние блеснуло из рук, как блеск далёких фар. Ослепило одних и указало путь другим. Кайга смотрел на руки, медленно кружившие над его кожей, совсем не касаясь. Целитель замолчал. Больше ничто не нарушало тишину, и ему ничего не осталось, кроме как прислушиваться к боли. И спустя долгое множество растянувшихся мгновений он различил: она утихает. Тянувшее, ноющее чувство, угнездившееся в разломанной до осколков кости, уходило. Боль и трение от смущавшего тело гипса пропадало следом. И наконец, словно самое зрелищное изменение целитель оставил напоследок, Кайга увидел, как сходят синяки. Только волосы остались темнеть на смуглой коже.

– Вот и всё, – сказал Раймон. – Встанешь?

Спортсмен растерянно напряг бедро. Прежде и это причиняло боль, но теперь лишь напряжение мышц разнеслось по телу. Он упёрся ногами в пол, и они приняли его вес, как и раньше. Ни боли, ни хрупкости.

Кайга сделал шаг. И ещё один. Присел, ещё присел, подпрыгнул. Попрыгал, повторив начало тренировочной разминки, и понял, что его нога цела. Ему ничего не мешало. Ни гипс, ни капсулы, ни допуск от врачей больше не были нужны.

– Как это, к чертям, возможно?!

Интерлюдия 2

Раймон прокашлялся в окружавшую белизну. Комок в горле то ли мерещился, то ли намекал на продолжение головокружения.

Женский голос недавно оповестил его о приближающемся времени встречи с Блэквудом, но «сеансы болтологии», как он их окрестил, уже не заставляли его торопиться. Разговоры, обсуждения и увещевания никакого толка пока не приносили.

Вскоре он всё же поднялся и вышел в другую белизну — разделённую пролётами лестниц и блеском дверей. Шагать по коридору становилось тем утомительнее, чем чаще Раймон встречал других пациентов. Все выглядели куда довольнее его самого.

К некоторому его сожалению, он не был глуп и умел считать. Обо всех своих накоплениях он помнил досконально, и примерно представлял, на что способен Руи. Байкер наверняка успел затянуть пояс и перешёл на сое-диету: никакого мяса, кофе и настоящей органики. Их деньги кончались. Две недели, максимум — четыре, и Раймон должен покинуть клинику и выйти в город настолько здоровым, насколько можно. Вот только доктор Блэквуд так и не подобрал ему лечение.

– Добрый вечер, мистер Раймон, – поприветствовал врач из-за стола, когда дверь в кабинет открылась и так же бесшумно задвинулась за спиной.

– Надеюсь, вы сделаете его ещё лучше?

Раймон пересёк кабинет и уселся в кресло, как обычно, не прельстившись чаем и крекерами, хотя игнорировать еду почти целый день становилось тяжеловато.

Последовали стандартные вопросы о самочувствии, сне и тошноте, на которые Раймон отвечал уже несколько лениво. Блэквуд, как и всегда, сохранял идеально-спокойное выражение лица, и лишь его глаза иногда будто хитро посверкивали за линзами очков.

Время за окном менялось более зримо, чем в кабинете врача: трепетали на ветру желтеющие листья, ярче становились звёзды на темнеющем небе. У Раймона засосало в желудке как-то по-особому.

Спина затекла от долгого сидения, и, поелозив на кресле, он вдруг понял, что уже несколько минут изучает изукрашенную узорами чашку и блюдо с печеньем.

– Вы пропустили обед, Раймон, – проговорил Блэквуд, будто прочтя его мысли.

Это не был вопрос, и Раймон кивнул, понимая: соврать не получится, да и, вроде, не нужно. Камеры в палате наверняка сообщали врачам о каждом действии пациентов. И не действию тоже.

– Вы напрасно утомляете себя ещё и голодом. В худшем случае, так можно довести себя до язвы желудка.

– Ну, есть и слёвывать, это ведь тоже не нормальное пищевое поведение?

– В вашем случае, это лучше, чем голодать. Всё-таки есть вероятность, что тошноту вы переборете.

– Вы так говорите, будто это зависит от моего желания.

Раймон пожал плечами. Спорил он слабо, понимая, что врач в чём-то прав. Раз на раз не приходилось, и иногда, принимаясь за еду, он забывал о тошноте, словно сосредотачиваясь на вкусе еды. А в платных клиниках, как оказалось, кормили вполне неплохо.

– Чая? – предложил Блэквуд.

– Давайте.

Раймон кивнул, и доктор, видимо, желая поддержать его, добыл откуда-то чайник и вторую чашку.

Крекеры хрустели, и дальше разговор о рецептах, анализах и процедурах пошёл чуть веселее.

– Это началось вместе с астмой, – в который уже раз рассказывал Раймон. – Приступы пришли первыми, я задыхался и потел, а потом, когда их не было, кружилась голова. Знаете это чувство, когда катаешься на качелях и кто-то вдруг тянет за них сзади? Вот и мне казалось, будто всё вокруг останавливается, а я должен лететь вперёд. Будто всё крутится как-то не так. Излишне медленно или слишком сильно. По-разному, но *не так*.

– В детстве вы не объясняли родителям свои приступы игрой или каким-то волшебством?

– Родителям не было до них дела. Астма была понятной и от неё было лекарство, а от того, что я пачкаю шарфы и перестал бегать по прямой, ничего особо не помогало.

– А себе?

Раймон пожал плечами, не поняв вопроса — он и сейчас-то не знал причину.

– Может быть, вы искали связи с чем-то вне? С погодой, едой, техникой рядом, излучением?

– Не особо. С едой, может быть. По праздникам тётя пыталась скормить мне жареные свиные уши, но я сильно сопротивлялся. Их круглые хрящи странно скользили во рту.

– И кроме еды ничего «странного» вы никогда не ощущали?

Блэквуд наблюдал за ним поверх соединённых пальцев. Раймону стало казаться, что его наталкивают на какой-то конкретный ответ. Но, если бы он его знал, ему не нужна была бы помощь врачей.

Ликующее лицо Оливера оживило не только белый пейзаж, но и однообразные больничные будни.

– Доктор Блэквуд наконец выписал тебе капсулы. Принимать дважды в день, желательно после еды!

Он втолкнул в палату тележку и принялся прибирать посуду и контейнеры и менять бельё.

– Что же там такое? – спросил Раймон, с интересом приняв маленькую упаковку.

Названия на одной капсуле без пачки не оказалось, но Оливер сообщил:

– «Пролукатин»*.

– Хм, не принимал его раньше. Ну надеюсь, это значит: у него появилось направление моего лечения?

– Спросишь на приёме, – улыбнулся Оливер. – Мне всё о пациентах не рассказывают.

Они понятливо кивнули друг другу, и медбрат ушёл, оставив Раймона с тарелками и капсулой один на один. Маленький голубой кружок заманчиво блестел пухлым боком, и Раймон, прислушавшись к себе, потянулся к еде. Через полчаса капсула оказалась в его животе.

Ещё через час его вывернуло, и другой медбрат откликнулся на вызов для уборки.

– Что, по-вашему, странно, доктор Блэквуд? – он решил уточнить, устало отставляя опустевшую чашку на край стола. – Головокружение? Неприятие организмом воды — даже той, что в бутылках, которой нас снабжала Администрация Временного Обеспечения? Или всё-таки сама астма, из-за которой при загазованности в семьдесят процентов я два месяца не мог выйти из дома и начал грызть побелку на потолке?

Раймон откинулся на спинку кресла, и Блэквуд повторил его движение, не торопясь отвечать. Они замерли напротив друг друга, как старые знакомые, растерявшие не только нити прежних бесед, но и саму связь.

Врач больше не подталкивал, и Раймон нахмурился, всё ещё не желая попусту отмалчиваться. Каждая минута его молчания менялась на новые цифры в счетах за стандартную палату.

– Я никак не объяснял свои приступы родителям, – он пожал плечами. – И не смог объяснить их себе.

– Как вам новое лекарство, мистер Раймон? – словно пожелав сменить тему, Блэквуд вернулся к расспросу. – Медбрат доложил, что вы интересовались брошюрами об астме и методами её лечения.

Голубые капсулы исправно поставлялись ему дважды в день. Иногда Раймон принимал их после обеда, а иногда вынужден был менять завтрак на ужин. Иногда тело отказывалось есть вовсе, и он лежал, уткнувшись лицом в подушку, когда белые стены словно начинали безостановочно вращаться, а контейнеры копились на столике, вызывая сочувственные вздохи персонала больницы.

Скоро Раймону надоело пялиться в потолок, и он рискнул: упросил Оливера достать брошюру о новом лекарстве Блэквуда. Врачу он об этом не говорил, а Оливер долго не появлялся.

Однажды утром дежурный медперсонал сменился, и на пороге его палаты оказалась высокая, строго выглядящая медсестра. «Кира»: прочёл он на бейджике и привычно пересел на стул.

– Мистер Раймон, – приветливая улыбка ненадолго скрасила серьёзное лицо. – Сегодня у нас стандартный завтрак, а ваши лекарства доктор Блэквуд разрешил вам передать без еды. Если не сможете поесть, всё равно раз в день принимайте капсулы.

– Да, он говорил мне при посещении.

– Я только напоминаю.

Женщина выставила еду и, завершив убирать постель, собралась выходить.

Раймон покивал в пустоту, но вдруг заметил, как та замерла, не торопясь покидать его.

– Оливер передал, что вы интересовались назначенным лекарством. «Пролукатин», верно? Это довольно стандартные капсулы при тошноте и укачивании. Их дают даже детям. Побочные действия весьма малы.

– Я так и думал, – Раймон пожал плечами. – Просто хотелось изучить на будущее.

– Доктор Блэквуд, да и другие наши врачи не любят, когда пациенты вмешиваются в лечение.

Кира не торопилась уходить, а теперь и вовсе замерла. Её взгляд потяжелел и застыл где-то рядом с его лицом. Медсестра успокаивающе улыбалась, но Раймон видел, как её глаза то и дело норовили соскользнуть кверху — туда, где матово мерцала камера.

– Я и не собирался, – Раймон расслабился и откинулся на подушку, став говорить чуть громче, чем нужно. – Наоборот, хотел узнать об этих капсулах больше. У меня, знаете ли, заканчиваются деньги на лечение, а лекарства наверняка можно добыть и в городских аптеках? Если бы я хотя бы разобрался в составе и мог подбирать аналоги...

– Оливер так и подумал. Он передал вам брошюру. Если что, такие есть в библиотеке на первом этаже — всё в свободном доступе.

– Ну, наверное, он побоялся, что я могу не дойти.

Раймон рассмеялся, и Кира передала ему тонкий буклет. Яркие обложки словно вызвали в отвыкших глазах какой-то спазм.

Он изучал их намеренно недолго, откладывая и снова возвращаясь, будто к давно решённым кроссвордам, а их глянец до странности не вписывался в белизну комнаты и привлекал к себе взгляды, словно даже внутри ячеек в стенах.

Раймон не был врачом и не старался им стать. Всё, что он понял: новое лекарство обладало большими успокаивающими свойствами. Уж не собрался ли Блэквуд лечить его астму психотропами*?

– Интересовался, – Раймон кивнул, понимая, что ни одна палата больницы и не предполагала приватности. – Ваше лекарство я прежде не пробовал. Стало интересно, чем оно отличается от моего.

– Составы немного похожи, – кивнул ему Блэквуд, видимо, не желая сильно вникать в детали. – Но среди побочных действий было одно существенное отличие.

Врач вновь откинулся в кресле, сцепив руки в замок, и с каким-то нарочитым интересом прищурился.

– «К-Ардифарин*», который вы принимали на протяжении многих лет, мистер Раймон, может влиять на действие вашего мозга и вызывать галлюцинации. К которым, в свою очередь, могут относиться и несуществующие изменения в пространстве, способные вызвать укачивание. Я предположил, что ваш мозг стал галлюцинировать, в том числе, и после приёма лекарства, и это привело к усугублению какого-то первоначального отклонения.

– Но тошнило меня гораздо раньше, чем я начал принимать «К-Ардифарин*», – Раймон с сомнением пожал плечами. – Да и, извините, но после его отмены улучшения я не чувствую. Скорее, наоборот.

– Я заметил, мистер Раймон.

Блэквуд кивнул и потянулся к планшету, призывно загоревшемуся в ответ на прикосновение. На лицо врача упали блики от наверняка сменяющихся на экране записей, и он, быстро что-то прочтя, озвучил:

– Ухудшение аппетита, учащение приступов орального опорожнения кишечника, апатия, упадок сил, учащение головокружения. Тем не менее анализы, сканирование и другие процедуры новых результатов не дали: повреждений и заболеваний внутренних органов нет, ваше тело подвержено только ПБА.

– И? Об этом я знал и раньше. Вы догадались, от чего меня тошнит?

Блэквуд отложил планшет и, как показалось Раймону, выжидательно устремил немигающий взгляд на него.

– Если бы дело было в галлюцинациях от побочного действия лекарства, его отмена должна была снизить симптомы. Если бы вам помог «Пролукатин», то приступы бы исчезли или снизилась их интенсивность. Но не случилось ни того, ни другого.

Доктор успокаивающе развёл руками и потянулся к чайнику, вновь наполнив обе кружки. Раймон почувствовал, что разговор становится более конкретным, а во рту пересохло. Он взял свою и в два глотка ополовинил её.

– Галлюцинации не симптом, мистер Раймон. Но и не причина. До них с вами случилось что-то ещё. Что-то, что мы с вами пока не выявили. Или вы мне пока не назвали.

Глаза Блэквуда вновь прищурились, зрачок без бликов окружающего света стал непроницаемо тёмным. Раймон, задумавшись, сравнил с ним уменьшающийся круг чая на дне кружки. Темнота, которой не было места в его белоснежной палате, здесь, в кабинете лечащего врача, казалось, сильнее влекла к себе.

Если подумать: кто они все, если не точки слабого света в мире тьмы?

– Так как же вы объясняли себе тошноту? – подтолкнул Блэквуд. – В детстве? До того как наверняка прочитали всё об астме и лекарствах от неё? Вы говорили о вращении: о качелях и что всё крутится *не так*?

Последний глоток провалился по пищеводу, и всё вокруг Раймона вновь закружилось. Серое окно словно оказалось ближе, а лицо Блэквуда дальше. Будто он уходил, бросив попытки сразиться с его болезнью, оставляя одного на странном, небывалом космическом корабле, погружённом не в вакуум, а в грязный, отравленный воздух. Небо и мрачные, уверенные в собственной силе глаза смотрели на него издалека.

– Это земля, – пробормотал Раймон, с трудом удерживая норовившую отчего-то повиснуть голову. – Земля вертится.

– То есть ваш вестибулярный аппарат не справляется с прямохождением? – подсказывал врач какую-то белиберду.

– Нет.

Раймон поморщился и поёрзал в кресле, пытаясь найти удобное положение для потяжелевшего тела.

– Я хожу. И бегаю, и сижу. Но всё вокруг меня вертится по-разному. Не так, как должно. Не так, как объясняют в учебниках. Нет определённой орбиты, земля клонится, а стороны света всегда путаются местами. Сама планета движется неправильно. Как будто она не в космосе, не на орбите. Как будто... кто-то её двигает по-другому. *По-своему.*

Раймон проснулся несколько часов спустя. Голова кружилась по-прежнему, а в теле скопилась усталость. Моргающий значок на стене предупреждал о скором приёме у лечащего врача. Раймон не помнил, как добрался до палаты и чем завершился предыдущий.

Он подвигал ладонью, поболтал рукой в воздухе. Тело слушалось с трудом. Он огляделся и вдруг понял, что новой порции еды ему не оставили. Медперсонал не убирал палату с самого обеда.

Никто и не собирался его посещать: три выпитые кружки ударили не вниз, а вверх. Сно-творное, понял Раймон. Или что похуже.

Больше не отвлекаясь на словно потяжелевшее тело и наполнение стандартной палаты, Раймон принялся вспоминать весь разговор с Блэквудом. Сейчас он вдруг начал понимать, что приём чем-то отличался. Врач почти не записывал его слова, почти не смотрел в планшет — он слушал и наталкивал на откровение.

«Планета движется»: вот откровение, которое Раймон рассказал — рассказал о своей самой глупой идее даже не Руи, семье или собутыльникам, а платному врачу. Кулак с трудом ударился в одеяло.

Что же теперь случится? Какой бы диагноз не поставил Блэквуд, денег Раймона всё равно не хватит на долгое лечение. Не отправят же его в другую — городскую клинику на деньги местных налогоплательщиков?

– Приём у доктора Блэквуда через десять минут, – раздался сверху женский голос. – Ожидайте сопровождение в палате.

Звук быстро спрятался в стенах, оставив ощущение присутствия и заставляя нервничать, размышляя. Значок больше не моргал, и белизна поверхностей никак не различалась. Ему не разрешено дойти до кабинета самому или Блэквуд знал об излишне стойком расслабляющем действии «чая»?

Дверь почти неслышно отворилась. Показалась стандартная медицинская каталка и санитары. Два незнакомых Раймону медбрата молча перетащили его на каталку, и, сколько бы он ни пытался заговорить с ними, не отвечали.

Путь по лестнице был им теперь закрыт, и двери лифта столкнулись беззвучно, не оставив ни щели между створками. Кнопки этажей замерцали слишком быстро.

Лампа в странной приёмной палате светила слишком ярко: так, что на глаза наворачивались слёзы, а тело словно вжимало в кушетку. Хотя — Раймон напрасно дёрнул руками на пробу, и понял — за это отвечают мягкие, словно скрывающие своё присутствие ремни.

Доктор Блэквуд встретил его без удивления и молча проводил санитаров. Больше в палате никого не было, кроме каких-то стеллажей и множества разнообразных инструментов. Слишком разнообразных, на взгляд Раймона.

Врач взял со стола планшет и приблизился.

– Что же, мистер Раймон, вот мы и перешли с вами на новый уровень, – загадочно начал он. – Наконец, после последнего разговора у меня есть намётки не только вашего диагноза, но и лечения.

– Это, наверное, хорошо? – вопросительно перебил Раймон, не зная, стоит ли вообще заговаривать со странно настроенным врачом.

– Это очень хорошо, – покивал Блэквуд, пристально взглядевшись в него. – Хотя, возможно, несмотря на вероятность скорого излечения, вам не понравится сам диагноз. Позвольте, я просвещу вас. Нам, как сертифицированной клинике, вменяется в обязанность ставить пациентов в известность о диагнозах, сборе анамнеза и проводимых и планируемых методах лечения. В случае оплаты клиентом, и брать с него согласие на проводимые процедуры.

– Таким образом, все согласованные проверки мы провели. Вчера я взял на себя смелость поговорить с вами более углублённо в спокойной атмосфере. И выявил. . .

– В спокойной?! – возмутился Раймон. – Вы меня чем-то опоили!

– Ну же, мистер Раймон, – Блэквуд пронзил его укоряющим взглядом, словно учитель нерадивого ученика, лгущего о «погрызенном собакой» планшете. – Я понимаю: вы вчера переутомились. Не ели и не принимали лекарств, и ваше состояние дало о себе знать. Но, уверяю, мы говорили без внешнего влияния. К слову. . . эти ваши слова вписываются в возможный диагноз как повышенная возбудимость и тревога. Не хотите всё-таки выслушать?

Раймон не ответил, и Блэквуд нажал что-то на планшете и начал читать. И чем дальше Раймон слушал, тем будто сильнее сдавливали его руки ремни.

– Так как никаких физических дефектов выявлено не было, можно сделать вывод, что, вероятнее всего, ваша тошнота это психическое расстройство, которое проявляется физическими симптомами. Вариантов расстройства несколько — выявить конкретнее нам ещё предстоит. Пока могу предположить одно из этих: классический параноидальный сенсорный психоз, деперсонализация восприятия реальности, соматоморфное расстройство, генерализованное тревожное расстройство, паническое расстройство, обсессивно-компульсивное расстройство или депрессия с психотическими симптомами.

– То есть, хотите сказать, что я псих? – улыбнулся Раймон, с усилием заставляя себя сдержаться и не забиться от страха, подтверждая правоту Блэквуда.

– Псих — это ненаучная постановка диагноза, – Блэквуд покачал головой. – Но у вас определённно расстройство личности, которое необходимо лечить.

– Вы сказали, – Раймон принудил себя успокоиться и уцепился за единственную оставленную лазейку, – что я должен дать согласие. Если вы хотите напичкать меня психотропами до состояния «овоща» я просто его не дам! Слышите? Я, Раймон Шун, *не даю* доктору Кристоферу Блэквуду или любому врачу этой клиники согласие на лечение!

Он повысил голос и задрал голову к потолку. Там, на такой же белизне, как и в его стандартной палате — сто тысяч за неделю — только ещё более ослепляющей, также матово выглядывали любопытные и бездушные глазки записывающих каждое движение и слово камер. Раймон знал, что отключить их Блэквуд не имеет права — каким бы психически ненормальным не окрестил пациента.

И воспоминание об уменьшающихся счетах: и его, и Руи, впервые не показались ему такими уж болезненными. Он покинет белую палату, так уж и быть. Но хотя бы выйдет из клиники способным критически мыслить.

– Наша клиника, как и все остальные, обязана выслушать пожелания клиента, мистер Раймон.

Блэквуд пожал плечами, и принялся неторопливо протирать стёкла очков.

– Однако. . . только в случае оплаты пациентом. А вы как подверженный психическому расстройству, а возможно, и множественным, больше отвечать за себя и платить, в том числе, *не можете*. Клиника переводит вас на положение неоплатного пациента по квоте правительства. Ваше гражданство тоже больше не имеет значения. Нам с вами предстоит курс лечения, и насколько он будет долгим, теперь зависит только от вашего разума, мистер Раймон.

Доктор замолчал, а Раймона снова затошнило. Да так, что он не успел проглотить взволновавшиеся в горле остатки чёрного чая.

Глава 3. Встречайте героя

Промозглая стальная осень словно отражалась в архитектуре тренировочного комплекса «Крылатых Могтс». Перед Кайгой расстилались ступени, приветственно и поспешно раздвигались двери, ещё вчера норовившие остановить шаткий шаг рухнувшей с небосвода звезды.

Чуть не бегом миновав холл, словно укрываясь от уличной прохлады и сгустившегося тумана, он завернул к раздевалкам. Опаздывал лишь на пару минут: в самый раз для того, чтобы ошарашить всех собравшихся.

Губы сами растягивались в предвкушающей улыбке.

Он ввалился в раздевалку, как всегда, едва не врезавшись в мельтешащих там игроков и тренеров.

– Здорово! Простите, простите: я опоздал!

Разыграл замедленный бег, у шкафчиков ускорился и перепрыгнул вытянутые ноги Соммерса. Зацепил по руке Антонио, и тот, только начиная что-то понимать, вместе с Криссом и Падченковым затеял вокруг него радостную возню.

– Тихо! Успокоились все!

Оглушительный свист тренера Мартона заставил всех вжаться в стены. Кайгу мотнуло следом, и он чуть не улетел в чей-то раскрытый шкаф. Вокруг заржали.

– Тоусен! – голос тренера был не менее громким. – Какого чёрта ты творишь?!

Смех вокруг погас, и на лицах команды всё уже становились растерянные улыбки.

– У тебя отвод! Как ты вообще здесь!..

Тренер за злостью что-то наконец разглядел. Он хмуро замолк и приблизился, выставляя руку от медленного наступления остальных.

– Кто дал тебе капсу? И какие? На обезболивающее не похоже. Мне звать врача или сразу устраивать медобследование?

Вторая рука вцепилась в ворот толстовки.

– Ты должен быть выйти только в следующем сезоне, – прошипел Мартон. Его усы встопорчились, и казалось: сейчас уколют нерадивого универсала, как ядовитый ёж.

– Спокойно, коуч, спокойно, – успокаивающе улыбнулся Кайга, слегка отводя удерживающую его руку. – Никаких лекарств, никакой запрещёнки. Я просто, понимаешь, выздоровел.

– Выздоровел? Брось, Кайга, – раздался голос врача.

Кайга с удивлением обернулся — сколько же они шумели, что старик успел сюда доковылять?

– От переломов за неделю не выздоравливают. От таких, как у тебя, так точно.

– Проверим? – вновь улыбнулся Кайга и, не стремясь больше разводить долгие и ненужные споры, потянул вниз штаны.

Отсутствие гипса у многих сперва вызвало явственный скрип зубов, но следом посыпались удивлённые оханья и вопросы.

– Так ничего же нет? – это Антонио.

– Ма-ать моя, мне такие же лекарства дайте! – восхищённый Серёгин.

– Это что, ты и играть теперь можешь? – наконец дошло даже до здоровяка Соммерса.

– Допустите, тренер? – довольно и нагло спросил Кайга.

И не удержался: даже в узком проёме между стеной и скамьями изобразил пару пробежек.

Команда встретила его ужимки свистом и аплодисментами. Их слитный рёв наверняка вырвался за пределы коридоров.

– На поле! – свистнул Мартон, дав отмашку рукой.

– И освидетельствование, – сказал он уже тише, когда часть радостной команды вывалилась за дверь. – Ты же понимаешь, Тоусен: многие знают о переломах. Нужно будет предупредить ненужные домыслы. Льюис приглядит.

Кайга пожал плечами: он и не рассчитывал, что все поверят в чудесное исцеление. Ещё день назад он не верил и сам.

Точечные диоды на кухне целителя уютно мерцали, и даже разбавлявшие их свет блики патрульных машин, после комендантского часа появлявшиеся за окнами, атмосферу не нарушали. Раймон согласился на предложенную Кайгой доставку, и теперь оба неторопливо распивали в меру дорогое пойло. На радостях исцелённый спортсмен решил шикануть и не пожалел ни знаков, ни времени.

Когда один из патрулей прошумел за окном, Кайга поморщился:

– Слушай, так почему ты сидишь здесь?

Он обвёл руками квартиру, запоздало подумав, как бы не обидеть целителя.

– Я бы отвалил тебе в десять раз больше, да в целых сто, если б знал, что всё выгорит. Наверняка и другие тоже. Ты мог бы купить дом в центре, даже на одном из верхних.

– Наверное, мог бы.

Раймон пожал плечами и потянулся за закуской. Ужин, оставленный Сузи, они уже доели, но целитель явно сыт не был: что вновь поднимало вопросы.

Они вертели у Кайги на языке, и он, внезапно загоревшийся мыслью выпить с недавно принимаемым за шарлатана и так познакомиться поближе, едва сдерживался.

– Мог бы, но, будь цена за приём больше, половина людей бы и не пришла. А налаживать контакты в новом городе получается не сразу.

– В новом? Так ты не отсюда?

– Нет, из Мато.

Кайга присвистнул. Парня далеко занесло. Сменить даже не город, а сам штат — надо либо знать нужных людей, либо хорошо им заплатить. Неудивительно, что здесь он едва сводит концы с концами. И, видимо, решил браться за любую работу. Он фыркнул: в понимании целителя, выращивание волос наверняка грязная работа и есть.

– Значит, мы земляки, – он отсалютовал бокалом. – Я сам из Китона.

– Почти рядом, – Раймон кивнул, не удивляясь. Наверняка как и многие, читал о нём статьи в спортивных обозревателях. – Гикава.

– О, это ж задворки.

– Так и есть, – целитель усмехнулся. – Отчасти потому и переехать пришлось.

– Отчасти? И ещё, ты вроде меня узнал? Интересуешься футболом?

– В детстве пытался играть. Да и кто здесь тебя не знает? Весь город на ушах стоит — выиграете последнюю игру сезона, и Кварта впервые за сорок лет войдёт в «Мировую Сферу».

Кайга на миг замер: да уж, мало кто об этом не слышал. Игры, турниры и расчётная таблица шли друг за другом каждый год. Сменялись, непрерывно обновляя данные, решая судьбы спортсменов и их городов. Зрители, спонсоры, а следом и их деньги находили своих фаворитов и оседали у тех в карманах. И пока «Моггс» прозябали в тени, ни они, ни Кварта не видали ни обновлений для стен, ни новых дорог, ни квотных лекарств. Но верхом ежегодных спортивных состязаний были Мировые игры. Раз в пять лет отбирались двадцать лучших команд, и устраивали бои сильнейших. И да, в этом году он помог «Крылатым Моггс», как никто.

Тоусен пожал плечами:

– Так и будет. Мы возьмём кубок и пройдем в Мир.

– Тебе следует быть осторожнее, – Раймон будто не впечатлился его уверенностью. – Не пришёл бы ко мне, и просидел бы на скамейке ещё месяца три.

– Два.

Кайга поморщился, кивком признав его правоту. Но, кто мог знать, что радостная гульба превратится в потасовку?

– Чёрт побери, – выпив с четверть бокала, он высказался вслух, – до сих пор не верю, что это правда. Как бы мне не проснуться завтра где-нибудь у стены со сломанной ногой, а?

Оба рассмеялись, кто от облегчения, кто над его неверием.

– Не бойся, если ни с кем снова не поцапаешься, то всё будет в норме. Знак качества не поставлю, но пока никто не жаловался. На себе тоже проверял — за пять лет ни переломы, ни порезы не возвратились. Даже выращенные зубы не хуже других, представляешь?

Кайгу передёрнуло, и он лишь позже прошёлся взглядом по целителю: неужели тот калечил самого себя, чтобы узнать свои способности?

– Как ты вообще это делаешь?

В голове начинало слегка шуметь. Скоро пора будет прекращать пить — иначе Мартон завтра взлутует от его наплевательского отношения к здоровью. Да и вопросы становились как будто откровеннее. Вспомнив, что должен будет ещё передать весь разговор Эри, Кайга сосредоточился.

– Не могу объяснить, – Раймон развёл руками. – Знаю только, что больше ни у кого так не получается.

– Ещё бы. Если б кто ещё так умел – фармкомпания бы с ног сбились, чтобы их к себе переташить.

– Ну, – Раймон кивнул и, казалось, задумался. – Вот и поэтому стараюсь не светиться.

– Не светиться? Да у тебя реклама на полрайона!

Негодующий возглас потонул в хитром смехе.

– Ага, целителя! Ну правда, кто из врачей это серьёзно воспримет?

Кайга с ним отчасти согласился, но проворчал:

– Ну не все же врачи такие самоуверенные. Вдруг, кто-то и нагрянет. Да и может, не врачи? Спортсмены там, с предложениями? Журналисты?

– Не, журналистов мне не надо, – Раймон неуверенно потёр шею. – Вроде даже, с полмесяца назад кто-то приходил. Но Сузи её сразу прогнала. Нам лишняя известность ни к чему. Хотя... от спортсменов я, пожалуй, не отказался бы.

– Оп-па, вот это другой разговор!

Кайга хищно улыбнулся. Иметь у себя такого целителя — это же превосходно. Не страшны ни травмы, ни болезни. Даже стратегию игры можно менять в любой момент, не опасаясь потерять игроков. У «Крылатых» их было ничтожно мало: всего шестнадцать. Что у команд верхнего дивизиона почти не встречалось. Хотя тут он постарался притормозить — Раймон не хочет светиться, а значит, не захочет и находиться поблизости. Вряд ли удастся вытащить его к бортам. Неоправданный риск игроков в таком случае мог лишить их целителя. Притормозив мысль, он решил зайти в другой стороны:

– А ты прямо всё лечишь?

– Нет, к сожалению, – целитель нахмурился и так же отставил в сторону пустой бокал. То ли тоже превысил норму, то ли решил не смущать его. – Астму не получается.

– Астму? Но это же не так уж и страшно? Кто-то приходил с ней?

– Да не, – целитель грустно пожал плечами. – Я сам.

Он ткнул пальцем за плечо, но, когда Кайга ничего в темноте не разглядел, махнул рукой, включая яркий свет. В ответ бликами расцветилось и окно: лента вдоль каждого шва замёрзала. Защита от наружной пыли здесь была стопроцентной. Если б не общедомовая вытяжка, обеспечивающая приток воздуха, они бы задохнулись ещё час назад. Таким без причины обыватели не баловались.

– Астматик? – осторожно уточнил Кайга. – Потому сюда переехал?

– Ну, типа того. Что на себе испытывал — исцеляется почти всё. Но астма и ещё тошнота, видимо, с ней в комплекте, не лечится ни капсами, ни ничем другим. Врачи пытались: всё без толку. Я, как вот этому вот научился, пробовал — и тоже всё напрасно.

– Фигово, – Кайга посочувствовал.

Ему повезло родиться без отклонений, но сколько их было — тех, кто умирал чуть не в колыбели, лишь вдохнув заражённый воздух окраин и низин? Что отдавали другие, чтобы взобраться повыше и обеспечить себе чистый воздух, отфильтрованную воду и голубое небо под терпящимся в небе куполом? И что отдал этот парень?

Ещё раз глянув на ладони, для короткой демонстрации вспыхнувшие золотым светом, он остановил себя от просьбы рассмотреть их поближе. Ничего там было искать: за гладкой кожей и светом скрывались порезы, шрамы, ожоги и потери конечностей. Целитель Раймон Шун понуро и задумчиво глядел в темноту окна.

Медицинское освидетельствование с присутствием пяти врачей, созванное в тот же день, прошло быстро. Что уж там им наплёл Льюис и сколько денег отвалили особо сомневающимся, Кайга не вникал. Команда разошлась чуть раньше, но он задержался: пропускать тренировки теперь, перед самым матчем, было бы неразумно. И, возвратившись в раздевалку, не ожидал там никого встретить. Но тренер, доктор и капитан «Могтс», похоже, уходить без него и не собирались.

– Полное время, Тоусен, – демонстративно посмотрев на часы заметил Мартон. – Надорваться не боишься?

– Всё в норме, коуч. Я как новенький.

– Да мы и видим.

Доктор Льюис, сидевший на узкой скамейке нога на ногу, разглядывал что-то на планшете. Наверняка очередные результаты его обследований.

– Ни следа лекарств, болеутоляющих или психоделиков. Показатели в норме, физические возможности — превосходно.

Они с Мартоном покивали, и лишь хмурый взгляд Сэма выдавал их подозрения.

– Выкладывай, Кайга, – доктор стянул с глаз очки и принялся протирать, – что такое ты с собой сотворил. Комиссию мы, конечно, убедили в преувеличенных травмах и ошибках репортёров, но уж нас-то тебе не обмануть. Куда делись три перелома? Рассосались?

– Ну так — срослись, – обезоруживающе улыбнулся Кайга, пытаясь задействовать всю харизму, какой только обладал.

– Тесты запрещёнку не показали, – предостерегающе начал тренер, – но, если что-то всплывёт перед турниром, ты подставишь уже не только команду, но и всех наших людей. Льюиса, Кетчера, Сtima. И даже Тоширо попадёт под раздачу. Ты ведь понимаешь, Тоусен?

– Да знаю я, – Кайга махнул рукой.

Он не был дураком и знал, *что* может потянуть за собой его внезапное возвращение. И, разумеется, не стремился просрать свою жизнь взамен на возможность чуть подзаработать совместно с вчера встреченным незнакомцем.

– Короче, ладно, я расскажу. Но с вас обещание: никому ни слова без моего ведома.

– Всё-таки запрещёнка, – вздохнул Мартон.

– Да не, – Кайга ухмыльнулся, зная, что поставит их всех в тупик своим признанием, – целитель.

– Целитель?! – недоверчиво протянул Льюис. Казалось, прислушалась даже салфетка в его руках.

– Типа, частник? – уточнил Сэм.

– Ну, типа. Только ни фига он не врач. Ни капсул, ни капельниц. Лечит просто руками, прикинь.

– Массажист? Мануал? Гомеопат? – взгляд доктора словно очистился вслед за очками и цепко ощупал всю фигуру Кайги.

– Да не знаю я! Просто приближает руки к телу, не касаясь. Ладони светятся, а травмы заживают. Полчаса, и вот: ни перелома, ни растяжения, ни синяков не осталось.

– Ты что-нибудь принимал там? Пил?

– Ничего.

– Облучение какое-нибудь до того было? Запахи? Звуки?

– Льюис, ну я же не идиот! Если б что-то заметил, фига бы я дал над собой кому-то колдовать!

– Ну так дал же, – хмыкнул Мартон.

– Где тебя принимали? Клиника, лаборатория? – продолжал расспрашивать доктор.

– Квартира, – буркнул Кайга. – В крайнем Восточном.

– Но, если бы какое-то влияние было, в анализах бы что-нибудь проявилось, так? – спросил Сэм.

– По анализам чисто, – Льюис строго кивнул на планшет, будто и тот пытался его обмануть. – Следов лекарств нет, и Кайга верит в то, что его вылечили наложением рук.

– Комиссия тоже ничего не выявила, – тренер потёр лоб. – Значит, поверим и мы, Льюис.

– Этот целитель..., – задумчиво протянул Льюис. – Он сказал тебе приходить ещё?

– Пересечёмся, – уверенно сказал Кайга. – Люблю полезные знакомства. Но, я понял, к чему ты: нет. Одного раза достаточно. Всем, кто у него бывает.

– Одного раза? – Сэм нахмурился. – Не постоянка?

– Да ну, бросьте. Это не развод. Платишь только за вход, а потом всё — проваливай на все четыре.

– И сколько?

Мартон хмуро переглянулся с капитаном. Кайга помедлил, всё ещё надеясь повернуть вместе с целителем хоть одно прибыльное дело. Но тренер тут же его поторопил:

– Тоусен, чтоб тебя! Я должен знать, кому и сколько ты должен! Перед важнейшим матчем тем более!

– Потише, Мейс, побереги сердце, – хмуро предупредил Льюис.

Кайга хмыкнул:

– Да не должен я ничего, правда. Десятка за приём. Серьёзно. У него там половина местные трутся: с производств, студенты, да даже нарики.

– У него проблемы с законом? – тренер чуть притих, но спрашивал всё ещё хмуро.

– Этого не знаю. Но вроде, всё нормально. Он же целитель, не доктор — лицензия, как Льюису, ему не нужна.

Они всё расспрашивали его и расспрашивали. Пытались вытащить подробности, которых Кайга толком и сам не знал. Но возражений и опасений оставалось всё меньше: универсал «Могтс» выйдет на поле в последней игре сезона. Подкопаться тут не к чему. И только предстоящий разговор с Эри, наверняка такой же дотошной, вызывал у него лёгкую тошноту.

Тренер и доктор продержали их до самой ночи. Кайга попрощался с Сэмом, и, высадив того, не удержавшись, принялся набирать сообщение прямо из машины:

– Здорово. Спасибо! Не знаю, что ты сделал, но даже алкоголя в крови не нашли.

Ответно мигнуло почти сразу:

– Пф, а ты боялся. Не за что. Играешь?

– Да))

– Поздравляю. А билеты по блату мне не положены?

– Да хоть сто! Сколько?

– 2. Только подальше от камер.

– Пф, всего-то. С девчонкой?

- С Сузи.
- Она мне не девушка, если что. Но на тебя не западёт.
- Не бойсь, не мой тип. Билеты скинуть? Или хочешь с автографом?)
- А его потом продать можно?)
- Да хз. Выиграем, за десятку загопишь. Нет — так, может, и нет.
- Давай с автографом.
- Тогда завтра. После 21.00?

Такси вскоре доставило его прямо к дверям дома и последнее сообщение Раймона мигнуло на спуфоне одновременно с зажжённым видеиком:

- Да.
 - ... был Виктор Плас. А теперь переходим к спортивным новостям! Ведущий игрок «Крылатых Моггс» Тоусен Кайга возвращается в игру в финале! Врачи постарались на славу, а его травмы оказались вовсе не так страшны! Теперь у «Крылатых» есть шансы на победу!
- Кайга кивнул Энису и отправился ужинать.

Очередное пикиканье он распознал не сразу, и настойчивые сообщения нескоро отвлекли его от застывающего соуса:

- Кайга!!!
- Какого чёрта?!

Он закашлялся и понял, чего ему не доставало в квартире, когда он вернулся: сброшенной куртки и выпотрошенной сумочки. Эри ушла, не дождавшись его. Должно быть, спешила к себе, опасаясь комендантского часа и стоимости за разрешённое в это время ночное такси. Сегодня он тоже задержался в тренировочном центре, а сообщить о своём приключении так и не успел.

- Так тебя вылечили?
- Ты в порядке??
- Где ты???
- Ответь мне!!

Число непрочитанных сообщений быстро росло. Вздохнув и заглотив остатки еды, он решил всё-таки ответить:

- Да у себя я. Целитель меня вылечил. Всё нормально.
- Правда? И как? Что там было?

Кайга раздражённо смотрел на экран, где мелькали точки набираемого сообщения Эри. Он знал: она не остановится, пока не выпросит всё. Должно быть, от волнения журналистка забыла, что можно просто позвонить.

Но вопросов сегодня он выслушал столько, сколько не слышал за месяц до этого. Его обсмотрели со всех сторон, он сплёвывал, жевал палочки, сдавал кровь и мочу столько раз, что анализами наверняка можно было заполнить половину лаборатории. Встретился с кучей врачей и вместе с Мартоном и его помощниками отбивался от пронюхавших о его возвращении любопытствующих. После чего ещё выдержал целую тренировку, едва успев пообедать. И теперь Кайга устал.

Он малодушно понадеялся, что после завтрашней встречи с Раймоном сможет рассказать Эри что-то ещё, и успел ответить до её вопроса:

– Он настоящий целитель. Ничего опасного. Завтра встречусь с ним снова, может, что узнаю. Сладких снов.

Отключив спуфон, Кайга с удовлетворённым вздохом упал в кресло, вытянувшись вдоль мягкой спинки. Руки легли на подлокотники, и вдруг он понял, что ещё кое о чём забыл. Ненужные больше костыли остались у Раймона.

Интерлюдия 3

Раймон упрямо полз вдоль стены, чуть не нарочно размазывая по ней пот с холодной ладони. Шершавая краска хоть и не была приятной на ощупь, но добавляла какой-то живости и фактуры в его белую, пресыщенную безопасным пластиком жизнь.

Кружилась голова, и колени то и дело норовили вильнуть куда-то в сторону, делая его путь всё волнистее с каждым шагом. Но он шёл, сцепив зубы, намеренно игнорируя равнодушно изучающие камеры в потолке.

Он решил ходить всегда, пока может.

Коридор упирался в лестницу, и Раймон жадно вглядывался в далёкий спуск. Ему туда было нельзя. Душевые располагались и на верхних этажах тоже: общие — для не буйных больных; и всего здесь было достаточно для нужд пациентов. Но лестницы прикрывали тонкие стальные решётки. Охраны там, конечно же, не было. «Это ведь не тюрьма, мистер Раймон», — как сказал Блэквуд. Но и ключей от дверей больным тоже не выдавали.

Оторвав взгляд от уводящего вниз проёма, он свернул, добравшись до места назначения. Вода зажурчала, и он почти в одиночестве принялся намылывать голову. Ладони непривычно скользили: волосы ему по указке Блэквуда обрили машинкой.

Даже его белая пижама теперь отличала его от нормальных «платных» больных — по ткани шли светоотражающие вставки, делающие его заметным даже в темноте. Ни выйти без взгляда камер, ни миновать услужливый персонал, ни обмануть незаметную охрану.

Не сказать, что он не пытался.

Блэквуд ничего не преувеличил и не скрывал. Раймон стал пленником клиники, обязанным исполнять предписания врача, какими бы те ни были. И знал, что теперь, как бы он ни грозился жалобами или обращениями в органы, кто бы снаружи ни искал его, на всё получит один ответ: «Пациенты с расстройством личности несут угрозу для окружающих и обязаны проходить принудительное лечение».

– Вы же не всерьёз? – спросил Раймон, распластанный на похожей на операционную кушетке и напичканый растворами с успокоительным.

Блэквуд, как будто укоризненно, смотрел на него, возвышаясь рядом.

– Мистер Раймон, вам необходимо лечение. И я приложу все силы, чтобы подобрать подходящее именно вам. Признаю, с такой формой психической запутанности мне сталкиваться прежде не доводилось, но клиника наверняка оборудована всем необходимым.

– Итак, начнём мы с вами с терапии и включения приёмов стандартных доступных по рецептам препаратов на основе оксихолинонов*. Признаю, мистер Раймон, что уже начал некоторые приготовления. В вашу пищу и напитки они будут добавляться согласно графику. Я, конечно же, скоординирую их подачу с вашим самочувствием. В случаях, если опорожнение кишечника будет слишком частым, то рассмотрим и внутривенные вливания.

– Терапия будет включать работу с фокусом внимания. Возможно, часть галлюцинаций объясняется стрессом, а потому мы с вами будем прорабатывать успокаивающие техники, применяемые для пациентов с посттравматическим стрессовым расстройством. Ваше тело будет проводником для разума, который тоже убедится, что вы в полной безопасности.

Как в таких же белых стенах новой палаты, как в душе, где в самом конце кто-то плескался в точно такой же тонкой кабинке без защёлки, так и словно на всём этаже Раймон чувствовал, что одинок. Бледные бело-пижамные тени больных скользили мимо, не заговаривая и не останавливаясь. Будто боялись обратить на себя внимание врачей или его самого. Кем они были — толстосумами, озаботившимися ментальным здоровьем, или такими же внезапными

психами, он не мог знать. Больше никто не приветствовал его кивками, не садился вместе за стол, и не обсуждал вечерние шоу. Здесь было спокойно. Наверное, ни в одной другой тюрьме так не могло быть.

Но его это смущало до чёртиков. Как искать выход, когда идти некуда? Как добраться до спуфона и Руи, когда Блэвуд может просто запретить ему выйти? Как лечиться, когда знаешь, что диагноз подделан?

– Сколько неиспользованных препаратов у вас осталось? – вяло спросил Раймон, когда во вспоротую иглой вену начал вливаться очередной, на этот раз мутный, белёсый раствор.

Блэвуд что-то печатал на планшете, сидя на стуле, почти скрывшись от его взгляда. Только камеры блестели на потолке, и Раймон посекундно отсчитывал их движения.

– Клиника снабжается бесперебойно. Мы взаимодействуем с лучшими лабораториями напрямую. Не волнуйтесь, мистер Раймон, заминок с поставками не будет. Если же вас интересует не количество, а список названий, что ж, лаборатории присылают нам и экспериментальные составы. Для особо тяжёлых случаев. Недостатков необходимых лекарств не будет тоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.